

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей

Проповедь

Первая служба в храме Сретения Владимирской иконы Божией Матери. Перед вечерней службой было совершено таинство Крещения и Миропомазания новых членов Церкви. 6 января 1991г. Слово после чина «отречения от сатаны и сочетания со Христом»

Братья и сестры!

Поздравляю вас с началом служения в этом прекрасном храме. Мы начинаем его, как и в глубокой древности, с таинства Крещения. Праздники христианские, в том числе и Рождество Христово, имеют глубокий смысл, поскольку они связаны с изменением жизни людей, внутреннего мира каждого из тех, кто идет или намерен идти по пути Христову. Молясь ныне вместе с крещаемыми, мы всегда вспоминаем и как бы обновляем собственные обеты Крещения. Постараемся быть достойными той благодати, которая сегодня нам будет дана в этом святом храме. Крещение не просто единичный акт, совершаемый однажды в жизни христианина. Оно продолжается всю жизнь. Сегодня оно свершится над крещаемыми, но будет ли оно вполне истинным и действенным таинством, зависит не только от них, но и от нас. Будем же помогать им в этом.

Братья и сестры, закончилась та часть приуготовления к таинству Крещения, которая для вас, крещаемых, означает полное покаяние. Что значит «отречение от сатаны», то есть от того, что Богу не принадлежит? Оно и значит полное покаяние, обращение от губельного пути. И только после него можно начать собственно Крещение, то есть «Погружение» во имя Иисуса Христа, к чему мы и приступаем.

Перед Миропомазанием

Теперь, когда вы облеклись во Христа, вы должны облечься и в благодать Святого Духа, чтобы иметь доступ к престолу Божьей благодати, иметь «помазание от Святого и познать все». Для этого и совершим таинство Миропомазания.

После чтения крещального евангелия

Вот и совершилось великое таинство. И мы верим, что оно будет плодотворным в душах и в жизни новокрещеных, как и во всей Христовой Церкви. Мы все получили от Господа повеление крестить и учить людей и совершать все, что повелел нам Господь. И мы теперь имеем силу, чтобы исполнять этот призыв, ибо Господь с нами всегда, «во все дни до скончания века».

Тут я хотел бы напомнить новокрещеным: вы умерли для греха, а воскресли для жизни благочестивой и вечной. Помните, что вы теперь «не чужие, а свои Богу». Только одно теперь требуется от вас не отойти от престола благодати Божьей, внимать учению Христову и помогать другим так, как может помочь только человек, находящийся под покровом Любви и Истины. Нет большего дня в жизни человека, чем день его Крещения. Вспоминайте же этот день одни и со своими друзьями, так как это день полной открытости для взаимного общения. Вспоминайте его и когда будете помогать другим. Услышав же то, что было сказано в слове Господнем, будем исполнять это на земле, зная, что рожденный от Бога уже не умирает, ибо имеет Жизнь вечную.

Аминь.

Будем сегодня совершать и обряды «восьмого дня» омовение знаков святого Мира, ибо неясно, можно ли будет их совершить над вами на восьмой день. Поэтому мы присоединим их к Крещению, как это обычно делается в наш век.

А теперь в знак первой жертвы, приносимой Богу, совершим обряд «пострижения власов». Пусть это будет прообразом тех духовных жертв, которые вам еще предстоит принести.

После крещения

Поздравляю вас с Крещением, с великой благодатью, которую вам нужно будет теперь неленостно возгревать. Ибо вы знаете, как много искушений подстерегает вас в этом мире, который «лежит во зле». Чтобы иметь постоянное общение со Христом, вам нужно будет иметь постоянную молитву, не идти на компромисс с совестью, постоянно участвовать в церковных таинствах. Поэтому завтра вам предстоит еще причаститься святых Христовых таинств Его Тела и Крови. Делайте это регулярно, чтобы благодать была неотъемлема от каждого дня, каждого мига вашей жизни, даже от вашего дыхания.

А теперь этой святой водой «великой агиасмой», то есть великой святыней, в которой крестились Алла, Олег и Александр, мы освятим наш храм и все в нем.

После чтения евангелия на вечерне

Мы сейчас слышали притчу о том, что есть Царство Божие. Его завещал нам Иисус Христос, Рождество Которого мы начали сегодня светло праздновать. Мы знаем, что Царство Божие приблизилось в Самом Господе, и всякий, поверивший в Него, обретает это Царство Небесное. Что же это за Царство? Обычно, когда мы думаем о нем, мы вспоминаем слова апостола Иоанна, что оно «не пища и питье, но правда, мир и радость во Святом Духе». Как хочется нам всем обрести такую правду, такую радость и милость от Духа Святого! Но сегодня давайте вспомним другие образы Царства Небесного, данные Самим Господом в притчах. Господь говорит, что оно подобно малому горчичному зерну и малой, ничтожной, на первый взгляд, закваске. Вот оно растет, и птицы небесные прилетают и обретают себе место в ветвях его. А малая закваска дает полноценное тесто, которое растет, одухотворяясь, растет вверх и вверх.

Да, братья и сестры, Евангелие просто для тех, кто «разумет, что читает» или слышит. Просто, когда в своей жизни мы являем истинность Слова Божьего. Поэтому мы должны всерьез отнестись к словам Господа, мы должны понять, что еще не пришло то время, когда полностью открывается Царство Небесное, но пусть не в полноте, оно уже открылось и накапливает силу, которой победит весь мир, лежащий во зле.

Братья и сестры! Мы не должны бояться того, что Царство Божие еще только растет в нас и вокруг нас. Мы все служители этого возрастания Царства. Мы должны следовать за Господом, чтобы сердце наше очистилось, раскрылось, преобразилось и стало бы источником той силы, которую принес в мир Господь Иисус Христос. Мы немощны и грешны. Мы просим у Господа прощения грехов. Но мы знаем, что Царство Божие в нас растет, если только мы не вытесняем его, служа богу иному. В этом росте тоже есть радость и мир во Святом Духе. Мы вспоминаем о Христе родившемся, Который тоже был мал, рождения Которого почти никто не заметил. Рос Господь, и распространялось с Ним то Царство, которое открылось в Нем и через Него. Так давайте расти и укрепляться в Духе Святом и мы Церковь Христова, Тело Христово. Мы еще немощны и малы в нашем граде, даже здесь, в нашем храме. Но будем стараться исполнить слово Христово о Царстве, которое ныне открыто внутри нас и вокруг нас. Аминь.

Слово после вечерни

Поздравляю вас, братья и сестры, с праздником. Вот и началось богослужение в соборе бывшего Сретенского монастыря. Наш собор, как и монастырь, назван в честь особого события в истории Руси. Вы знаете, что главный праздник нашего храма Сретение Владимирской иконы Божией Матери. Там, где сейчас площадь Дзержинского и где до XVII в. также был монастырь, произошла встреча иконы Владимирской Божией Матери, принесенной в Москву из Владимира, в связи с наступлением на Москву очень сильного войска Тамерлана. И без всякого кровопролития тогда, в конце XIV в., Москва была спасена только молитвами, только покровительством Божией Матери. Для нас это очень знаменательно. Богоматерь через Ее икону Покровительница всей нашей страны, всего нашего народа. Она Умиление, Елеуса (милующая). И хотелось бы, чтобы молитвами Богородицы мы были защищены от всякого зла, восстающего на нас. Мы еще так слабы, так несовершенны, так нуждаемся в молитвах Богоматери, в Ее божественном покрове над всеми нами. Дай Бог, чтобы этот собор стал воистину Собором, собранием, ищущим покрова Божией Матери, чтобы росло в нем Царство Божие и укреплялась Святая Церковь Христова. Благодаря Бога за то, что здесь сегодня произошло, (а это историческое событие), будем помнить, что многое еще предстоит нам сделать.

Не будем уставать, не будем унывать, помня «если Бог за нас, кто против нас?» Сегодняшний собор, сегодняшнее богослужение залог того, что возрождаются и обновляются души людей. Я имею в виду присутствующих здесь новокрещеных святых! ибо Крещение имеет силу освобождать от всякого греха. И сейчас пусть они и младенцы во Христе, но имеют дерзновение молиться, и мы надеемся, что вместе с их молитвой будет услышана и наша в этот благодатный, радостный день Рождества Христова. Храни вас всех Господь, и еще раз с праздником.

7 января 1991г. Слово после чтения евангелия на утрене

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Братья и сестры, христиане!

Мы сейчас слышали рассказ, который является одним из центральных в евангелии, рассказ о Рождестве Христовом. В евангелии нам говорится, что прежде, нежели сочетались Мария с Иосифом, оказалось, что она имеет во чреве от Духа Святого. И Иосиф, будучи праведным и зная всю чистоту и праведность своей невесты, хотел отпустить ее тайно, чтобы не позорить ее, ибо он думал, что произошло какое-то недоразумение, произошло что-то неладное в их семье. Но, как и всегда, когда человек с чистыми помыслами рассуждает, даже если он пока и неверно рассуждает, Господь приходит к нему на помощь. Так произошло и здесь.

Евангелие нам говорит, что как только он помыслил это, а помыслил он по человеческому рассуждению, ибо ничего другого, кроме человеческого рассуждения, человек в таком случае сделать и не может, ангел Господень (ангел_ значит «вестник») явился ему во сне. И вот пришла к нему небесная Весть о том, что Мария чиста, чиста и непорочна, и он может, не боясь, принять ее в жены. А зародившееся в ней есть от Духа Святого.

Как нам понимать эти слова? Почему-то иногда их понимают так_ будто бы Дух Святой играл чуть ли ни роль мужа в этом небесном браке. Но, конечно, ни ангел, ни Святой Дух не могли, не должны были играть такой роли. «От Духа Святого» это значит как бы по благословию Божьему, непосредственно силою Духа Святого родился у Марии Сын. Далее, «родится Сын, как сказано,_ и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их». Что же

значит это «ибо»? Это «ибо» имеет прямое отношение к имени Господа. Вы знаете, что само это имя переводится на русский язык как «Бог спасает», «Господь спасает». Тут и говорится, что будет наречено такое имя, которое будет соответствовать имени Спасителя, «ибо Он спасет людей Своих от грехов их».

А что это за люди Христовы, которые будут спасены Им от грехов? Нам всегда хочется, и это хорошее желание, чтобы Христовыми были все люди на земле. И мы знаем, что тот, кто приходит ко Христу, принимается Им независимо ни от его возраста, ни от культуры, ни от ума, ни от национальности, ни от состояния здоровья. Так он спасет людей Своих, спасет их от грехов их. Делает это именно Он, хотя иногда нам кажется, что мы можем сами себя спасти, можем так приложить усилия, что грехов не останется. И тогда мы, конечно, обольщаемся, ибо мы хорошо знаем, что ни один человек на земле не может так себя усовершенствовать, чтобы спастись от греха. Ни один, даже самый добрый и доброжелательный человек, а такие люди, конечно, есть, не может этого совершить. Каждый из нас понимает, что без Божьей помощи, без Христа спасение невозможно никак, никогда, никого. Поэтому Господь и говорит в молитве Отцу: «Тех, кого Ты Мне дал, Я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погибели». Господь сохраняет всех, кто стремится к Нему, кто не уходит от Него, кто не предаёт Его.

Так каждый человек, пришедший ко Христу, спасается, точнее, спасается и спасен одновременно. Это тоже очень трудный для нашего разума момент. С одной стороны, Христос нас спасает и спас уже, а с другой мы еще спасаемся, «со страхом и трепетом совершаем свое спасение». Мы спасаемся, ибо не можем сказать о себе, что мы вне опасности в этом мире.

К сожалению, в этом мире, пока мы живем на земле, в мире, который «лежит во зле», опасностей для нашей Веры и Жизни очень много. Они и внутренние, и внешние, они материальные, душевные и духовные. Нас постоянно что-то увлекает. Начинается часто с малого, но человек, увлекаясь все дальше и дальше, может впасть уже в большое искушение и от Христа уйти, последуя «хитросплетенным басням», как говорит апостол Павел, или последуя своим страстям, обстоятельствам, последуя себе, а не Богу. Будем остерегаться этого, особенно сейчас, когда мы вспоминаем святое Богоявление в Рождестве Христовом.

А евангелие далее говорит нам: «Все же сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: »Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут Ему имя Эммануил, что значит «С нами Бог»(Мф 1,23). У Христа много имен, потому что многое нужно совершить Ему на Земле. Он Спаситель, и потому Он Иисус. Он открыл нам доступ к Отцу нашему Небесному, поэтому Он «С нами Бог», Эммануил. Он же Господь, и это имя дал Ему Сам Отец, как открыл нам апостол Павел. Знаем мы и много других Его имен.

Далее. «Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему ангел, и принял жену свою. И не знал ее. И наконец, она родила Сына, своего первенца, (т.е. первого, единого и единственного своего Сына), и Иосиф нарек ему имя Иисус». Слава Богу за эту благую и радостную для нас весть! Слава Богу за святое Богоявление в Рождестве Христовом! Слава Богу за открытие Ему наших сердец во Христе Духом Святым!

Аминь.

Слово после пения тропаря праздника

Сейчас, спев Великое славословие и тропарь праздника, мы достигли главного, центрального момента утрени. Мы только что прославили Бога, показавшего нам Свет. А в тропаре праздника прославили Христа_ Солнце Правды. Вот этот-то Свет этого Солнца мы бываем

способны воспринимать так, чтобы им жить, за него благодарить. И дай Бог, чтобы этот Свет в нас не мерк, чтобы это Солнце не заходило в нас.

Аминь.

12 января 1991г. Слово на утрене, в субботу по Рождестве

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Мы с вами радуемся празднику Рождества, ибо знаем, что с рождением Иисуса Христа пришла на землю особая благодать благодать спасительного, непосредственного общения с Богом. Да, уже на Рождество мы вспоминаем ангельские слова, небесную весть о том, что прославился в вышних Бог, что на земле мир, в людях же благоволение. Мы с вами можем сказать, что в этих словах, которые Церковь назвала малым славословием, заключен Символ нашей веры. В одной строчке сказано все о том, что с явлением в мир Христа, пусть пока еще сокровенным, пусть пока еще не для всех и не в полноте, но особым образом, «в вышних», на небесах прославляется Бог, а на земле начинает отступать тьма вражды, как между Богом и человеком, так и между людьми, поэтому и в людях воцаряется благоговение, страх Божий.

Благоговение, но не только, ибо сказано о благоволении. Что значит «благоволение»? Это значит, что в людях возрождается сила благой воли, воли, ведущей ко благу, к Богу, к Отцу нашему Небесному. И нам с вами нужно подумать о том, есть ли у нас такая благая воля и насколько она сильна.

Если мы воистину хотим праздновать Рождество Христово, мы должны показать пред Богом и людьми это благоволение. Независимо ни от каких обстоятельств в нашей жизни, мы должны быть исполнены этого стремления ко благу, к Любви, к благодати, к радости и миру во Святом Духе. И нам, христианам, членам Церкви, это очень близко, хотя бывает и так, что воля иного рода слишком еще увлекает нас. Иногда, например, честолюбие заставляет нас делать богопротивные вещи. Или поработченность мнением других людей не дает проявлять благоволение, заставляя идти против нашей совести. Или стремление к соперничеству, стремление выгладеть лучше, чем мы есть на самом деле, все это постоянно усиливает в нас те потенции, которые должны были бы совсем замереть и уйти из нас с принятием в наше сердце Господа Иисуса Христа.

Будем же помнить об этом. Соберем свою волю и направим ее ко благу, чтобы воистину на земле воцарился внутренний и подлинный Мир и чтобы снова воспели нам ангелы и возвестили славу Богу!

Аминь.

Слово после утрени

Продолжилось наше празднование. Продолжаются святые дни, святки. И вы знаете, что эти святые дни будут продолжаться до крещенского сочельника, до кануна дня Богоявления, Крещения Господня.

В древности во многих церквах, особенно на Востоке, вплоть до конца IV века, Рождество Христово и Богоявление, Крещение Господне, праздновались в один день. Это до сих пор происходит в так называемых Древних восточных, нехалкидонских церквах, например, в Армянской.

И в этом был великий смысл. Конечно, нам очень близко празднование Рождества. И мы себе

уже не мыслим даже, что какой-то другой праздник может нам заслонить праздник Рождества Спасителя нашего. И тем не менее, не заслоняя этого праздника, но как бы включая одно в другое и тем самым обретая совершенно новые обертоны смысла, Рождество праздновалось как Богоявление. И когда с Запада, из Рима, пришел праздник Рождества в восточную Римскую империю, в Византию, то эти праздники были литургически построены совершенно одинаково (у нас и сейчас по образу Богоявления, Крещения Господня, строится праздник Рождества). А промежуток времени между одним Богоявлением, началом Богоявления во Христе и следующим Великим Богоявлением в Крещении Господнем, был Церковью удивительно осознан как время святых дней, или святок.

Мы часто, вспоминая о святках, думаем только о том, как праздновались эти дни, и почему-то дальше этого дело не идет, хотя должно быть наоборот. Мы должны прежде всего осознать, что для нас Богоявление явление Истины в мире сем, лежащем во зле, а уже из этой радости восприятия явившегося Бога думать о том, как проводить эти дни. Быт христианский очень ценен для нас, но только тогда, когда он исходит из духа и смысла нашей христианской веры. Если наоборот, то мы теряем очень много. К сожалению, в истории так бывало и бывало часто, что традиции, сами по себе замечательные, ставшие бытовыми и общеупотребительными, вытесняли собой дух и смысл того главного, что эти традиции породило. Поэтому я вам всем желаю проводить в радости эти дни святок, но более помнить об этом главном.

Аминь.

Слово после чтения Евангелия на вечерне

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Мы сейчас слышали в евангелии о том, что происходило сразу после Рождества Христова. Мы слышали о том, что во сне Господь уведомляет Иосифа, говоря ему: «Встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет». Вот и начинается бегство, вот и начинается новое странствие во имя Господне.

И тут обратите внимание на то, что в Евангелии от Матфея, в одном лишь маленьком отрывочке, который мы сейчас слышали, не один и не два раза употребляется как некое целостное выражение оборот «Младенец и Матерь Его». В нем есть соединение, единство, подлинное единство от Бога, который Сам Един. И когда мы говорим: «Богоматерь с Младенцем», мы тоже ощущаем и выражаем это единство, хотя и с другой стороны. Мы никогда не разделяем Мать и Младенца-Сына, как евангелие не разделяет Младенца и Матерь Его. Но будем помнить, что пришло это к нам от откровения евангельского, которое выражено здесь, в этом чтении: «Возьми Младенца и Матерь Его и беги... Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его».

Как же еще много сил иродовых в этом мире! Иногда они прикрываются самыми благочестивыми одеждами, иногда самыми благочестивыми символами и образами, иногда даже христианскими, православными одеждами. Но будем внимательны и будем различать, где весть от ангела Божия, а где проявление силы иродовой, желающей не спасти Младенца, а погубить.

Иосиф послушался Бога и Божией вести. Он был праведен воистину, ибо знал, Кого и как слушаться. Он послушался и, как говорится в евангелии, «встал, взял Младенца и Матерь Его ночью, и пошел в Египет, и там был до смерти Ирода», чтобы исполнилась воля Божия, возвещенная еще древними пророками, говорившими: «Из Египта воззвал Я Сына Моего». Кто же этот Сын? Да, это Младенец Иисус. Но это и весь Израиль, только Израиль новый, весь

народ, преданный Богу.

Бегство в Египет и Исход из Египта! Мы еще хорошо помним и знаем, что все это значит. Иногда ведь и нам приходилось как бы убегать в Египет и ждать там пока «Ирод умрет». Ждать вести от Бога о том, что больше нет того, кто хотел помешать Божьему делу.

И вот, Божий вестник, ангел, снова явился Иосифу во сне и сказал: «Встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву, ибо умерли искавшие души [т.е. жизни] Младенца».

И вновь послушался Иосиф вестника. Тут же встал, не замедлив, не расслабляясь, не ссылаясь ни на какие обстоятельства, встал, взял Младенца и Матерь Его и пришел в землю Израилеву, в землю обетования. Но там еще не совсем исчезли иродовы силы, тень его через наследников его еще лежала на земле Израиля, особенно в Иудее, где царствовал великий, как его называли, Ирод. И тогда вместо Иудеи Иосиф идет в никчемный Назарет, делая этот город великим и славным на земле. И снова это делается по откровению.

Так пошел Иосиф со всем святым семейством в пределы галилейские. Придя, поселился в городе, называемом Назарет, чтобы и здесь сбылись слова пророческие, что Сын Божий «Назореem наречется».

Аминь.

Слово после вечерни

Если спросить каждого из нас, почему мы православные, то скорее всего мы начнем много-много говорить, и я уверен, что половина, если не больше, так и не скажет самого главного. Мы же православные только постольку, поскольку приобщены жизнью своею и духом и смыслом ее к Полноте Христовой Истины. А не потому, что мы так-то служим в храме, такие-то у нас иконы или тексты, обращаем больше внимания на таких-то святых и т.д. Все это, может быть, и хорошо, но в одной православной церкви это может быть так, в другой православной же церкви все может быть по-другому или еще по-третьему.

Итак, как нам узнать, православный это человек или нет? Только по причастности Полноте Христовой Истины и благодати.

Но как трудно нам с вами жить в соответствии с ней! Очень трудно, потому что многие, пусть важные, но, подчеркиваю, более частные вещи, увлекают нас больше, они нам ближе, они более земные. И так как они в церкви, мы свято уверены, что приобщение к ним и есть христианская жизнь, мы им-то и должны уделять больше внимания. Да, это действительно жизнь церкви, христианская жизнь, но когда приходится выбирать лучшее и важнейшее, нам необходимо выбирать самое главное, то есть не их. Другое дело, что есть ситуации, когда выбирать не надо, тогда прекрасно и то, и другое, и третье в своем порядке.

Сейчас мы радуемся Воскресению Христову, прославляем и Богоявление в Рождестве Спасителя. Мы знаем христианство не есть религия. Мы знаем, что христианство есть Жизнь в ее Полноте, «жизнь с избытком», как говорится в святом Евангелии. Так давайте же не покладать рук в соработничестве у Бога, не будем ни расслабляться, ни идти на компромисс с совестью. Давайте будем приносить Богу молитву как чистую, непорочную жертву.

Аминь.

13 января 1991г. Слово после чтения 10-го воскресного Евангелия на утрене

Братья и сестры, христиане!

Мы слышали замечательное повествование евангелия от Иоанна о Воскресении Христовом. Слышали о том, как Он явился Своим ученикам, как Он им открылся. Дело в том, что наша вера зиждется на откровении. Не на простом и естественном чувстве почтения к авторитету, тексту или культуре, который может быть у каждого человека в мире, а на откровении истины, доступ к которой имеет далеко не всякий. Этот рассказ говорит нам о том, как мы удостоверяемся в истине, а не просто в факте Воскресения Христова. Воскресение Христово есть истина, а не факт. Мы же привыкли жить в мире объективных фактов, таких, как «дважды два четыре». Так вот, Воскресение Христово не есть «дважды два четыре» как для верующих, так и для неверующих в него. Вот поэтому-то нужно было Иисусу не просто явиться своим ученикам, но открыться им по Воскресении. Ведь мы знаем слово евангельское, что если и мертвые воскреснут, люди неверующие не поверят. Чтобы иметь веру, которая есть истина, а не факт, нужно иметь откровение.

Итак, о чем же говорит нам евангелие? О том, что сначала Господь явился ученикам своим при Тивериадском озере или, как его называли, море. «Явился же так, говорит евангелист Иоанн. Были вместе Симон Петр и другие из учеников» Христовых, которые, как вы знаете, в основном были из рыбаков. Петр им сказал, что собирается идти ловить рыбу. Ученики пошли с ним, вошли в лодку, но удачи в их деле не было.

Некоторые из нас наивно думают, что если они имеют веру, если они христиане, то в делах у них уж наверняка всегда все должно быть в порядке. Всегда им должен сопутствовать успех, просто потому, что они верующие, просто потому, что Бог с ними и они с Богом. Но в этом мире, который «лежит во зле», далеко не всегда так получается, хотя истинно то, что Бог помогает чадам Своим постоянно, ежедневно, непрестанно.

Ученики ничего не поймали, хотя трудились много. Настало утро. И тут, как бы рассеивая утреннюю мглу Собою, является на берег Иисус. После большого труда в предрассветных сумерках ученики не узнают Его. Они Его не узнали, хотя это был Иисус и Он уже являлся им. Тогда Иисус обращается к ним и говорит: «Есть ли, дети, у вас какая пища?» Они отвечают Ему: «Нет». «Так закиньте же сети свои по правую сторону, говорит Иисус, вот и поймаете». Они поверили Ему. И закинув сети, ловят столько рыбы, что сеть уже невозможно вытащить из-за множества этих рыб.

Так начаток веры раскрывается дальше. В сердцах учеников Христовых вера зарождает откровение, и ученик, которого любил Иисус и который сам особо любил Бога, говорит Петру, бывшему старшим по возрасту, а иногда и по положению среди учеников: «Это Господь». Тогда Петр тотчас бросается в море навстречу Господу.

Непредсказуема реакция апостола Петра. Вы помните, что в одном случае он говорит Господу: «Отойди от меня, ибо я человек грешный». А здесь вдруг прежде чем броситься в море, он препоясывает одежды. Никакой рациональности в этом нет, даже более того, здесь есть полная иррациональность, как бы бессмысленность кроме одного главного смысла, который заключен в любви и является плодом такой любви, любви к Господу. А другие ученики поплыли дальше, но к Господу, таща сеть с рыбой.

И вот они выходят на землю, видят, что уже разложен огонь, на нем_ хлеб и рыба. А Иисус говорит им: «Принесите еще и ту рыбу, которую вы поймали». Симон Петр пошел, вытащил на землю сеть, наполненную большими рыбами. Было ее множество, не счесть, в евангелии оно обозначается числом 153. Почему 153? Только потому, что не счесть. Число 153 значит несчетное множество больших рыб.

Вы знаете, что в Священном писании числа имеют символическое значение. Вот это 153 тоже символ, символ изобилия, который отражает собою изобилие Любви, открывшейся в Господе и начавшей открываться в учениках Его.

Иисус говорит теперь ученикам: «Приидите, пообедайте».

Помните, как мы начинали богослужение? «Приидите, поем мы, поклонимся и припадем». «Приидите», говорит Господь Своим ученикам, которые, так же, как вы здесь, совсем не вдали где-то, а рядом.

Прийти к Господу означает нечто большее, чем просто подойти ближе. «Приидите, примите и ешьте», т.е. приидите на Трапезу Любви, говорит Господь. По-гречески любовь агапэ. А эта трапеза называется с древнейших времен любовью-агапой и благодарением-евхаристией. Совершалась агапическая трапеза в Древней Церкви всегда перед евхаристией. Это и была агапа для всех верующих, для всей общины. А потом вся община благодарила Бога за общение с живым Христом, приводящим их к Небесному Отцу. На агапе ученики исполнялись верой и любовью, но еще не настолько, чтобы она стала в них преизобилующей. Они еще как бы не смели спросить Его: «Кто Ты?» Ибо сказать нечто Господу можно только от избытка сердца, как сказать нечто жизненно важное ближнему. «От избытка сердца говорят уста», учит нас Писание. Но часто, дорогие братья и сестры, уста наши говорят совсем от другого, и тогда нам становится худо...

Так, ученики еще не могли спросить Господа: «Кто Ты?», хотя знали, как говорит евангелист Иоанн, что «это Господь». И тогда во исполнение сердец Любовью и для погружения в этот дар Любви с ее изобилием приходит Иисус, берет хлеб и раздает его Своим ученикам, благодаря Бога.

В древности вкушали пищу, особенно хлеб, не просто так, в спешке и суете. Было положено постоянно благодарить Бога не только до еды и после нее, но и во время трапезы. И наша Евхаристия прямая наследница того, что было в тех местах еще в древности, что было в зачатке образовано и принято еще ветхим народом Божиим.

Итак, Господь раздает хлеб, благодаря Бога (чем это не Евхаристия после агапической трапезы), потом рыбу. И вот здесь-то происходит уже не просто явление, тем более некое «третье явление», как говорит нам евангелие, но истинное откровение Иисуса и одновременно то Его познание, которое есть истинный гносис, присущий каждому истинному христианину.

Мы сейчас боимся этого слова, потому что в христианской истории было много еретиков-гностиков. Но в древности христиан учили так: «Каждый христианин гностик». На каком основании? На очень серьезном основании, дорогие братья и сестры. Ведь в евангелии говорится о «Жизни вечной», которую мы обрели в воскресшем Христе, т.е. в Нем и через Него, как о познании, о гносисе. «Гносис» и переводится как «познание», но только не просто рациональное знание, а особого рода знание. В евангелии говорится: «Сия есть Жизнь вечная, да знают Тебя, Единого Истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа». Но именно такую Жизнь, в таком познании и принес нам Христос. Она открылась Его ученикам. Да будем же и мы ее достойны!

Аминь.

Слово после утрени

В заключение хочу вкратце сказать о том, почему сегодня празднуется память трех святых

праведников, близких Христу по плоти, _ память царя Давида, Иосифа Обручника и Иакова, брата Господня.

Господь Иисус происходил из дома Давидова. И это было важно для познания в Иисусе Христа. И память царя Давида, жившего за десять веков до Христа, ныне празднуется потому, что последний завет, который был заключен Богом с людьми в рамках Ветхого Завета, был заветом с Давидом, заветом надежды, заветом, который уже указывал на Новый Завет. И потом в течение тысячелетия восстало много пророков, которые все более и более не просто обличали грехи Израиля, не просто стремились вернуть сердца отцов детям, но и указывали путь вперед и вверх.

Бог заключил с Давидом завет о том, что дом его будет царственным домом во всем мире. Часто люди это понимали неверно как будто бы Израиль должен иметь некое национальное, политическое и еще какое-то земное господство во всем мире. И, к сожалению, некоторые еще до сих пор так понимают те слова о завете. Христос открыл нам, что это неверно, что в Нем исполнение надежды, Он упование наше, как только что мы с вами восклицали.

Иосиф Обручник был не просто праведным человеком, каких было довольно много в истории Израиля. Иосиф Обручник был попечителем в семье Господа, главой этой семьи. Не случайно мы читаем в евангелии об Иисусе (правда, этим Его хотели унижить, хотя это и не получалось): «Не плотников ли Он Сын?». Так говорили об Иисусе, имея в виду праведного Иосифа, который был законопослушным и праведным от юности своей, который должен был не нарушить закон, но и как-то вместить в себя тот факт, что его жена, не знающая мужа, имеет во чреве ребенка, младенца.

Что могло бы быть, если бы он поддался на искушение, озлобился и дал возможность сомнению подточить его веру?

Иаков, брат Господень, как его называют церковные, литургические и исторические тексты, брат Господень по плоти.

В Священном писании есть очень важное, хотя всего только одно, Соборное послание апостола Иакова. И именно там говорится: «Вера без дел мертва». В нем много и других очень ценных высказываний. Из истории мы знаем, что апостол Иаков не был среди 12-ти, хотя кроме него там было еще два Иакова. Он же приходился как бы сводным братом Господу. Позже он стал во главе иерусалимской общины _ первой общины, матери всех церквей, как мы до сих пор называем Иерусалимскую церковь. И мы должны об этом помнить, что мать всех церквей не Москва, не Рим, ни первый, ни второй, ни третий, никакой.

Апостол Иаков возглавлял эту иудео-христианскую общину вплоть до своей мученической кончины за Христа. Вспомним одну деталь, которую признавали все его современники, даже нехристиане, несочувствующие Христу. Так, Иосиф Флавий писал, что этот Иаков был уважаем всеми иудеями. Да и вся иерусалимская община имела колоссальный духовный авторитет, несмотря на то, что ее проповедь принималась далеко не всеми, потому что она была по-настоящему праведной по жизни. Она показывала пример кичившемуся своей праведностью иудейскому обществу того времени.

Но вот по зависти иудеев и их «ревности не по разуму» погибает Иаков, брат Господень, будучи сброшенным с крыла храма вниз. Это было в 44-м году, через 14 лет после Голгофы. Потом другие сродники Господа по плоти были преемниками апостольского служения, апостольского, а не просто епископского (епископское служение намного уже, принципиально уже апостольского служения). Преемником Иакова, именно апостольского его служения, был

другой родственник Христов по плоти, тоже ставший святым, Симеон, который жил невероятно долго, ожидая пришествия Христа в роде сем. Он прожил до середины II века. Примечается удивительная вещь: если христиан не убивают, то они все живут и живут. И также было с Симеоном, который жил, и это исторический факт, где-то 120–130 лет.

Очень важно, что иудео-христианская община, возглавлявшаяся апостолом Иаковом, жила праведно, жила с верой во всей полноте и в то же время не оставляла правды Божией, закона Его. И никто не рассуждал: «Ну, Бог простит, я буду жить как все, а если что, то я покаюсь». Никому такое и в голову не приходило, потому что все знали, что «Бог грешных не слушает». Христианам же особенно важно было иметь общение с Богом, а не просто называться христианами, исполнять те или иные обряды и правила.

В Иерусалимской церкви до сих пор служитя литургия апостола Иакова. Также служат ее и на Кипре, и в Малой Азии, а с 70-х годов XX в. и в нашей стране. Есть надежда начать ее служение, хотя бы в дни памяти апостолов, и в нашем граде, и в нашем храме. В ней особенно много сохранилось древнейших «доникийских» элементов, о чем так важно нам вспомнить ныне. Ведь воистину восприятие в полноте единой мысли преемственности Божьего домостроительства нашего спасения через царя Давида и Святое Семейство, апостолов и святых нашего времени важнейшая духовная и церковная задача.

Аминь.

Священномученик митрополит Киевский Владимир (Богоявленский): К богатым и бедным

Проповедь

«Прибавление к Церковным ведомостям», 1905, № 52.

На престоле Израильского царства восседал царь Давид. Это было самое блестящее время его царствования. Обширная страна, от берегов Средиземного моря до берегов Евфрата, вся преклонялась пред его царским могуществом и величием. Окруженный присущей восточным царям пышностью, он восседал на троне и окидывал взором стоявшие справа и слева толпы льстецов и телохранителей, послов подвластных ему народов, долу повергавшихся пред ним со своими дарами, и самодовольная улыбка невольно пробегала по его лицу. Можно ли было ожидать, чтобы среди льстецов и подданных нашелся такой человек, который осмелился бы обличить тяжкий грех его, о котором знал и шептал весь Иерусалим, грех его прелюбодеяния с Вирсавией и тайного убийства мужа ее Урии? Кто дерзнул бы встать пред его трон и прямо в лицо сказать: «Ты, гордый царь, ты недостойн называться помазанником Иеговы и сидеть на царском престоле!» Однако нашелся такой человек, который осмелился это сделать. Вот отворилась дверь в тронную залу, и среди блестящего сонма царедворцев появился человек в грубой власяной одежде. Это был Нафан-пророк. Он рассказал царю историю одного бедного человека, у которого была единственная овечка, которая питалась одной с ним пищей, пила из одного с ним сосуда и спала на одном с ним ложе, и вот один богач, обладавший целыми тысячами овец, простер свою длань на эту единственную овечку бедняка и отнял ее у него. Выслушав эту историю, Давид воспылал благородным гневом и сказал: «Жив Господь, человек, поступивший так, достоин смерти!» Гнев Давида был настолько силен, что исказилось и изменилось даже лицо его и приняло пурпурный цвет. Нафан, устремив на Давида

пристальный взгляд свой, сказал: «Ты тот человек!»

Пророки израильского народа были для него «бичующей» совестью. Там, где засыпала совесть, где не действовали книги закона где ни у кого не доставало смелости жаловаться, там выступали они со словами правды. Их судебным приговором было слово Иеговы, их сводом законов_ обличающая пред лицом Бога совесть, а цепями, которыми они сковывали, власть истины. Они придут, скажут свое слово и исчезнут. Они не домогаются внешней власти и господства, они не устанавливают законов, они только свидетельствуют: «Это не справедливо», говорит Господь!"

Кто в наше время стоит на их месте? Кто между нами должен возвышать свой голос, когда несправедливость вопиет к небу, когда богатый отнимает у бедного единственную овечку, когда он лишает его последней радости в его безотрадной жизни и делает ее еще печальнее и тяжелее, чтобы прибавлять удовольствие к удовольствию, деньги к деньгам, роскошь к роскоши?

Есть ли на это ответ? Если есть, то его можно выразить так: На их (пророков) месте между нами должна стоять христианская Церковь с ее служителями. Чем пророки были для Израиля, тем должна быть она для христианских народов; она должна быть совестью для них. Это ее неотъемлемое право и обязанность, чтобы с церковной кафедры говорилось об общественных нуждах и потребностях времени и освещались они светом слова Божьего.

Но при этой только пророческой обязанности она и должна оставаться, отнюдь не переходя в должность правителя и судьи. Она не призвана вмешиваться в решение спорных вопросов времени, устанавливать законы и порядки в государстве, касаться социальных учреждений, ставить целью своей деятельности всякие жалобы и нужды, словом удовлетворять житейским потребностям общества. Как-то один человек явился к Иисусу и сказал: «Учитель, скажи моему брату, чтобы он разделил со мною наследство». На что Господь отвечал: «Друг, кто поставил Меня судьей или раздельщиком над вами?» Христос не признавал Своей задачей вмешиваться в житейские дела. Он не был послан для того, чтобы издавать новые законы и устанавливать хозяйственные порядки. В этом случае дело Его быстро погибло бы. Внешние законы и общественные порядки стареют часто быстрее, чем законодатели. Христос не рассуждал и ничего не определял относительно того, какой должен быть образ правления в государстве. Он не решал вопроса и о том, что лучше, бюрократия или народовластие, всеобщее равенство социализма или деление человеческого общества на высшие и низшие сословия, на помещиков и крестьян, на работодателей и работников, на богатых и неимущих. Он имел дело только с душою человека. И когда христианская Церковь, пренебрегая этим примером, пыталась захватывать в свои руки и светскую власть и издавать мирские законы, тогда она вместо хлеба часто давала душам только камни. Когда в конце средних веков папская церковь сделалась всемирною силою, пред которой преклонялись цари и народы, тогда иссякли источники веры, тогда христианство сделалось бездушным и бесплодным обрядовым служением, тогда многие верные сердца отпали от церкви, которая не давала ЕДИНОГО НА ПОТРЕБУ. Истинно христианская Церковь не должна ставить для себя целью господствовать над правительствами и домогаться там преимущественного влияния.

Правда, она должна иметь силу и власть, но власть пророка, а не царя, власть духовную, а не государственную. И эту силу и властью она уже давно владела и благотворно ее проявляла. Христианство в течение столетий произвело необыкновенный общественный, нравственный переворот. Оно уничтожило рабство; оно вернуло приниженной прежде женщине ее нравственное достоинство, одинаковое с мужчиной; оно положило в мире начало общественной благотворительности в отношении меньших братий, бедных, больных и престарелых, которым прежде не оказывалось никакой помощи. И все это оно сделало без

всякого принуждения, без насилия и без всяких писанных законов. Под его влиянием все это возникло и совершилось как бы само собою. Каким же образом совершилось? Евангелие, которое проповедовала Церковь, жгло и бичевало совесть людей до тех пор, пока они не были уже в состоянии более выносить того, что было противно их совести и вопияло к небу.

Так рисует сама история христианской Церкви ее задачу в отношении общественных (социальных) вопросов и нужд нашего времени. Она должна воодушевлять сердца человеческие любовью к Богу и ближним; бичевать и очищать совесть современников словом Божиим и указанием на образ Христа. Она должна исполнять служение Нафана, но не строить козни Авессалома. Среди разгоревшихся страстей при революционных восстаниях и мятежах она должна стоять как священная, неприкосновенная твердыня правды и мира. Она должна проповедовать: «Вы все братья, а Бог вам отец»; убеждать: «Любите ближних своих, как самих себя». Она громко должна проповедовать, что «СУД БЕЗ МИЛОСТИ» постигнет тех, которые «НЕ ТВОРЯТ МИЛОСТИ». Она не должна говорить, что рабочему, например, необходимо назначить для работы только 8, а не 10 часов в сутки (об этом пусть рассуждают правители и законодатели), но она должна сказать: «Это несправедливо, если кто-нибудь свои миллионы собирает из грошей, отнимая их у бедных рабочих». Не ее дело говорить, что необходимо установить правила и законы, встречающие иметь работника, но она должна сказать: «Несправедливо, если ты смотришь на работника как на живую машину, которую заставляешь работать, пока она нужна тебе для твоих выгод, а потом равнодушно выбрасываешь на улицу». Христианская Церковь не знает партийности, она не принимает ни сторону богатых против бедных, ни сторону бедных против богатых. Она не говорит, что все богачи дурные люди, а все бедные хорошие, но она, обращаясь к скупым и жестокосердным богачам, говорит: «Посмотри на того богатого человека, который лишил бедняка единственной овечки, посмотри на эту бесчеловечную жестокость ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ТЫ!»<o:p></o:p>

А бедным, недовольным, постоянно ропщущим, исполненным зависти людям, ужели она ничего не имеет сказать в назидание и им? Ужели не имеет никакого благовестия и для этих ожесточенных и озлобленных существ? О, конечно, имеет, и история Давида и Нафана может нам сказать, какое.

Страстный порыв гнева и раздражение царя указывают нам на одну глубоко человеческую черту. Конечно, рассказ, о котором аллегорически повествовал пророк царю, был возмутительным. Но что он был в сравнении с тем беззаконием, которое совершил Давид? Тот богач, о котором иносказательно говорил Нафан, не отбивал у бедняка жену, как сделал это Давид; не посылал он так коварно на смерть безвинно потерпевшего, как сделал этот царь с мужем Вирсавии. И, однако, это вызвало в Давиде вспышку самого священного, нелицемерного негодования, такую вспышку, от которой побагровело даже лицо его: «Жив Господь, такой человек повинен смерти!» воскликнул Давид, выслушав Нафана.

Мы не должны слишком удивляться сему. Не только из наблюдений над другими, но и из наблюдений над самими собой мы хорошо знаем, что наши чувства гораздо благороднее и возвышеннее, чем наши дела. Благородные чувства для нас ничего не стоят: напротив, они доставляют даже некоторое удовольствие, льстят нашей гордости. А благородные дела стоят нам очень дорого они требуют от нас самоотвержения и самопожертвования.

На этом разладе между нашими чувствами и делами основывается та благая весть, та поучительная проповедь, с которой христианская Церковь должна в настоящие дни обратиться к ожесточенным против богатых и недовольным своею судьбою беднякам. Она далеко не все сделала бы, если бы сказала им: «Замолчите, не ропщите, не жалуйтесь на условия своей жизни. Покоритесь Промыслу и примиритесь со своим положением; ибо Богу угодно, чтобы одни терпели нужду, а другие жили в изобилии». Но она должна сказать еще: «Если вы в

состоянии раздражения жалуетесь на условия и обстоятельства жизни, которые кажутся вам несправедливыми; если вы страстно, с озлоблением восстаете против богачей, возмущаясь их алчностью и жадностью, то поразмыслите посерьезнее и испытайте самих себя, НЕ ЕСТЬ ЛИ ВАШ ГНЕВ_ ГНЕВ ДАВИДА, К КОТОРОМУ ОТНОСЯТСЯ СЛОВА НАФАНА: »ТЫ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК!" Не бываете ли и вы в вашем маленьком кружке так же жестоки и бессердечны к вашим ближним, как и те из богатых, против которых вы так злобствуете? Или, может быть, еще черствее? Не бываете ли, может быть, и вы так же жадны к деньгам и удовольствиям, как они? И если бы вас судьба сделала миллионерами и господами, то не погрузились бы и вы, может быть, так же в это служение маммоне, как и они?

Таковы существенные вопросы, с коими христианская Церковь считает своим долгом обратиться сейчас к совести бедных. Церковь стоит выше всяких партий, ведущих спор между собою. И напрасно упрекают ее в том, что она подслуживает только богатым. Она обращается к обеим сторонам с проповедью о той непререкаемой истине, что корень всех бед земных и всякой несправедливости следует искать не во внешних порядках, но в греховной испорченности человеческого сердца, с его страстью, корыстолюбием и любостыжанием, бьется ли это сердце под сюртуком богача или под блузой рабочего.

В конце же концов, проповедь и благовестие Церкви к богатым и бедным сводится к одному: никто не может жить только тем, что он владеет большим богатством. Поэтому горе вам, богатые, возлагающие все упование свое на богатство и забывающие Бога! Горе и вам, бедные, наносящие смертельный удар душе своей из-за желания быть богатыми!

В свете вечности исчезает всякая разница между богатыми и бедными, на которую мы так много обращаем сейчас внимания, и останутся только души, которые все должны искать ответ на один лишь вопрос: «ЧТО ДОЛЖЕН Я ДЕЛАТЬ, ДА ЖИЗНЬ ВЕЧНУЮ НАСЛЕДУЮ?»

Аминь.

24 декабря 1905 г

Архимандрит Дамиан (Воскресенский): Трезвость и милосердие

Проповедь

(Слово, сказанное 19 октября 1914 г. в помещении Симбирского госпиталя Красного Креста при открытии сего госпиталя.)

Место, в котором мы собрались сегодня на молитву, в течение многих лет имело особое назначение. Здесь был казенный винный склад. И в жаркую летнюю пору, и в зимнюю стужу, и в осеннюю распутицу тянулись отсюда длинные обозы по всем направлениям_ Рославльскому и Витебскому шоссе, старому Московскому и Киевскому большакам, Краснинской дороге, и развозили эти обозы казенную водку, а с ней алкогольное отравление в народ. Сотни таких складов на необъятных просторах России поддерживали и питали непробудное пьянство в народе. В этой отраве гибли все лучшие духовные и материальные силы великого народа-богоносца. В деревнях от пьяных озорников и хулиганов не стало житья, фабричный люд в конец разорился от водки, колоссально росла преступность, гибли хорошие семейные нравы, разрушалось и духовное, и материальное богатство русского народа.

Но вот грянул гром, разразилась грозная великая война. Еще до войны раздалось с высоты престола могучее слово царское о трезвости, а по объявлении войны тем же царским словом запрещена продажа казенного вина и картина Руси сразу меняется. Мирно и стройно прошла мобилизация. Доблестное трезвое русское воинство одерживало победу за победой, целый ряд побед. Религиозность населения и его отзывчивость на добрые дела неизмеримо повысились. Искреннее патриотическое воодушевление растет на наших глазах. В стране подъем милости и благотворения. Быстро и ярко восходит незакатное солнце в образе трезвой России, в образе святой Руси подвига ратного и подвига христианского, подвига веры, самоотвержения, любви, милосердия, всеочищающего покаяния и плодотворного труда.

И вот, на светлом фоне обновляющейся трезвой России трезвый разум и христианское сердце пришли к счастливому, мудрому решению, _ место, откуда шла алкогольная отравка по губернии, превратить в дом милосердия, в госпиталь для раненых воинов. Эта новая в нашем Смоленске обитель милосердия, как та евангельская Вифезда, в которой лежало во дни Спасителя множество больных, слепых, хромых, жаждавших движения воды, приняла уже под свои гостеприимные кровы сотни наших доблестных воинов, проливших кровь за святое, правое дело, за царя и отчизну. Здесь они при тщательном уходе находят тот приют, ту добрую атмосферу любви и ласки, в которой скорее восстанавливаются силы больного и раненого.

Для прибывших из далекого Симбирска, с широких просторов могучей Волги братьев и сестер наших мне хочется продолжить сравнение их лазарета с евангельской Вифездой. Там, в евангельском доме милосердия, больные получали исцеление не потому, что воды Вифезды были целительны сами по себе, вроде наших сернистых, щелочных или грязевых источников на курортах, исцеляла их небесная Божия сила: Ангел Господень, вестник небесной помощи, по временам сходил в эту купель, где пастушеское племя евреев обмывало своих овец, возмущал воду, и кто первый входил по возмущению воды, тот получал исцеление. В ваш лазарет не сходит видимым образом Ангел Божий, но тихое веяние благодати Божией чувствуется и здесь, как полет Ангела с его бесшумными крыльями. На место Ангела приходит сюда Церковь со своими благодатными средствами, являются сюда ее служители, возгревающие и поддерживающие могучий пламень веры, любви и молитвы, той молитвы, что проникает небеса и восходит, как фимиам кадильный, как приятное благоухание, к Божьему престолу. Воодушевленные этими святыми христианскими настроениями, вооруженные всеми силами медицинского знания вы, симбирские братья и сестры, являетесь поистине вестниками любви Христовой, ангелами милосердия в этой новой Вифезде.

Ведь внутренняя основа вашей работы является глубоко христианской и покоится на Христовых заветах. Нужны истинно ангельские кротость и терпение при вашем деле; вам мало быть исполнительными и самоотверженными, жертвовать личным покоем, удобствами необходимо сохранить без ослабления всю снисходительную любовь к раненому, всю нежную сердечную отзывчивость. Здесь, как и на передовых позициях, надо забыть об усталости страдания, боли не ждут. А сколько нужно ласки, какой нужен богатый запас любви, чтобы не дать места ни одной нотке раздражительности, нетерпения или равнодушия. Ничего подобного не должно быть ни в вашем слове, ни в действии, ни в жесте, ни во взгляде. Вам нужно облегчать не только телесные страдания дорогих нам раненых воинов необходимо, забывая об усталости, вливать в их душу отраду, успокоение и бодрость, озарять их светом чистой радости. Золотое сердце русской женщины, всегда чуткой к людскому страданию, ее нежные, мягкие руки, ее вековой порыв к жертве находят для себя здесь наилучшее применение.

Великий подвиг любви Христовой творите вы, симбирцы, в нашем древнем Смоленске; с Волги вы принесли свою любовь, свою готовность облегчить страдания раненых на берега исторического Днепра. Но в вашей великой любви кроется и великая награда. Я не говорю уже

о той награде, что ожидает вас от Спасителя. «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф 25, 40), скажет вам Сын Человеческий. Я говорю о награде в самом вашем священном деле, говорю о неизмеримой радости. Разумею ту благодатную радость, которую получает каждый, когда, ухаживая за больным, у его постели уже видит, как его больной поправляется, крепнет день ото дня, прибавляется в весе и на его глазах, благодаря ласковому отношению, приветливости, совершенно исцеляется, становится здоровым. Эта радость хорошо известна вам, господа врачи и сестры милосердия. Нет ничего выше этой радости, ибо здесь бывает сохранена жизнь, уменьшены скорби, заглушена боль, внесены отрада и упование туда, откуда, казалось, уже веяло отчаянием и холодом могилы.

Да укрепит же Господь молитвами Богородицы силы ваши в нелегком служении вашем, да хранит вас Господь в полном здоровьи и благополучии; труды ваши да осенит Он Своею благодатию, да увенчает их успехом. С миром и радостью, со страхом Божиим и верою идите на ваш святой подвиг. С молитвенными благожеланиями вам соединим сегодня горячие молитвы к Небесному Врачу, да подаст Он, Всесильный, скорое и полное выздоровление находящимся здесь раненым воинам, кои приняли и легкие раны, и тяжкие увечья на ратном поле.

<o:p></o:p>

Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской): Память и забвение

Богословие и философия

Беседа в радиопередаче по «Голосу Америки»

Забвение человеком того, что у него есть душа, открывается в забвении им не того, что надо забывать, и памяти не того, что надо помнить. Есть в жизни то, о чем надо в с е г д а помнить. И есть то, что надо скорее забыть. Изменяя известное изречение, можно было бы обращаться к каждому человеку: «Скажи мне, что ты забываешь и что ты помнишь, и я тебе скажу, кто ты».

Начнем же, братья, слушатели мои, спрашивать себя, что мы помним и что забываем. Откроем этим ворота самопознания. Помним ли мы Бога, или хотя бы о Боге, давшем нам жизнь? Не забываем ли мы Единственный Источник нашей жизни? Если душа твоя, человек, не забывает Бога, то сколь глубока, сколь чиста эта ее память? Помним ли мы, что Господь вне пространства и времени, с нами всюду, всегда? Мы, люди, не всегда бываем с Ним (когда грешим, не бываем с Ним) или отрицаем Его жизнью. Но Он, Господь Милостивый, Долготерпеливый, всегда с нами, всюду и видит все наши помыслы, замыслы, желания и надежды.

Помним ли мы, братья, что Бог Хозяин нашей личной и всеобщей жизни, Величайшая Святыня, Чистота, Любовь и Правда? Удерживает ли наша память Божьи драгоценные законы, заветы, указания, напоминания, которые Бог дает душам для спасения? Остается ли в памяти нашей учение евангельской любви и такого удивительного в ней доверия к нам? Помним ли мы, что во Христе Бог называет нас Своими детьми, братьями и друзьями, хотя наша жизнь часто борется против святыни Божьей? Нет, не врагами Своими Он называет нас, даже тех, кто идет против Него.

Помним ли мы, что сделал для нас, для всего человечества Христос? Как Слово Жизни

вочеловечилось и научило нас совершенному добру, высшей правде; как Оно создало для нас новый мир внутренне светлого, самоотверженного человека, друга Божия и сына? Помним ли мы и то ужасное дело, что земля наша Творца не защитила, а многие оскорбляли Его и распяли? Помним ли, как не нашлось места нашему Спасителю на земле, и до сих пор не дают; Он Странником стал в первую же Свою земную минуту в Вифлееме и в последнюю минуту в Иерусалиме? Помним ли мы, что эта вражда ко Христу продолжается в мире? Но, как «молния, блистающая от востока до запада», таинственно и неопровержимо воскрес Христос и вышел из Своего Гроба и явился ученикам_ двенадцати, семидесяти и пятистам. И был узнаваем ими, а после ушел с земли, взошел на небо, скрылся в невидимость, чтобы стать еще ближе к каждому человеку, к каждой человеческой двери. «Се стою у двери и стучу.»

Помним ли мы, что «Господь близ» и принимает молитву нашу? Помним ли свои грехи, слабости, безумства и несовершенства? Сохраняем ли в своей памяти истину о том, что наша очень краткая земная жизнь лишь на волосок отстоит от великого незримого духовного мира, вечности, куда мы все идем. И каждую минуту тонкая граница эта может разрушиться, и наша душа будет введена в духовный бессмертный мир на Суд Правды Господней? И к этому Суду, к этой Правде широко идет вся наша жизнь, и надо нам готовиться к этой встрече. И помним ли мы это, особенно тогда, когда темное облако зла и лжи, приблизившись к нашей душе, ей шепчет лукавые, льстивые, змеиные свои слова, всевая в нас неверие в небесную жизнь, и душа наша начинает колебаться, прельщается и склоняется ко злу? Помним ли мы, после того как свершили грех, что Господь милостив бесконечно и нам открыт путь восстановления, покаяния и благодарения Бога за прощение? Помним ли мы в минуту тоски и уныния, что близок к нам и долготерпелив Господь? А в минуту зла и искушения, что Господь праведен? Живя среди людей, помним ли мы, что наш Спаситель есть Спаситель и других людей? И наш Небесный Отец это и Отец всех людей? Помним ли мы, что оправдывается и осуждается человек лишь «от дел своих». И «без веры (без доверия Свету Божьему) невозможно угодить Богу», как говорит нам Писание?

Мудрость, чистоту и истину хранит наша память! Блажен человек, который помнит о сокровищах Божественной любви и удерживает их своим малым сознанием веры. Пусть всякая душа, братья и сестры, живет любовью! Это и есть вечная Жизнь.

О многом спросил я вас и самого себя, испытывая, что помните вы и что забываете в жизни... И о многом еще и большом без конца я мог бы продолжать свои вопросы. Но я хотел бы еще допросить наше человеческое забвение. Как и память, забвение может быть светлым или темным. Спросим же и его: забвение, поглотило ли, истребило ли ты все обиды, нанесенные нам в мире; потопило ли ты в Боге все горести мира, все боли и страхи жизни? Поглотило ли ты мою жизненную суету, все мои ничтожные обиды, житейские волнения и пустые слова, суетные споры?.. Лишь на поле, очищенном от сорных трав, вырастает жизнь, и в чистом мире человека цветет радость вечная.

Забвение! Будь светлым и уноси, как вода чистого родника, прах земли и топи его в себе, не теряя своей чистоты. Поистине, человеком может называть себя лишь тот, кто помнит нужное, мудрое и забывает ничтожное. Забывает суету и помнит великую правду.

«Избави нас, Господи, от помышлений суетных и воспоминаний лукавых». Яды таятся в темных складках человеческой памяти. И среди нечистых человеческих воспоминаний демоны свивают свои мерзкие гнезда, и там зарождаются змеи, жалящие людей. Много в жизни надо забывать и о многом помнить. Самозабвенная любовь открывает святыню человека. И светлая память вводит нас в Свет.

<o:p></o:p>

Профессор В.И.Экземплярский: Старчество

Церковная жизнь

Окончание. Начало см. в № 2, 1992 г.

Подобные же мысли мы находим в Лествице: «Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает ни в добром, ни в мнимо-худом, ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его...»

Естественно, что такая полная нравственная ответственность старца за духовную судьбу послушника была возможна и морально законна только при условии совершенной искренности и чистоты настроения ученика. И вот какими словами характеризуют великие отцы это искреннее послушничество ученика своему духовному отцу: «Если слушаешь меня в одном, а в другом противоречишь, то и в том, в чем слушаешь, исполняешь свою волю, я и не дам за тебя ответа Богу. Кто истинный ученик, тот пребывает послушным своему авве во всем до смерти» (преп.Симеон Новый Богослов). Не знают себя и своей пользы те послушники, которые, заметив благосклонность и снисходительность своего наставника, просят его назначить им служения по их желаниям. Пусть они знают, что, получивши их, они совершенно лишаются исповеднического венца, потому что послушание есть отвержение лицемерия и собственного желания. «Кто иногда слушается, а иногда не слушается отца, тот подобен человеку, который к больному своему глазу в одно время прикладывает целебную мазь, а в другое известь» (Иоанн Лествичник). Но надо отметить, что такая всецелая преданность ученика воле своего старца имеет все же какой-то внутренний предел, за которым подобное послушание становится или преступным, или бесполезным для ученика. И действительно, такой предел указывался руководителями монастырской жизни. Я сказал, что после мгновения свободного избрания себе духовного отца ученик отказывался от своей воли и даже от своего разума. Но ясно, что он не только не переставал быть свободно-разумным существом, но и самый подвиг предпринимался для развития этой свободы духа. Последняя всегда была такой почвой, на которой росли дела послушания. И отсюда всегда все отношения ученика к учителю утверждались на этой свободной вере в него. «Коль скоро с помощью Божьей, говорит преп. Симеон Новый Богослов, по благодати Его сподобишься найти человека <<старца-учителя>>, покажи к нему крайнее внимание и всякое к нему благоугождение, великое смирение и благоговение, высокое почитание и веру чистую и несомненную. Если увидишь, что он будет есть с блудниками, мытарями и грешниками, не помышляй, что тут есть что-то страстное, человеческое, но думай, что в сем все бесстрастно и свято. Видя даже собственными глазами, как он будет снисходить до человеческих страстей, не верь тому отнюдь, потому что и они (свои очи) обманываются, как я это сам делом испытал, но последуй ему и верь словам его без сомнения помышлений. Каждодневно должно исповедовать помыслы духовному отцу своему, и что он будет говорить тебе, принимай то, как из уст Божиих, с полным убеждением (в истине того непреложной), не переспрашивай, хорошо ли он сказал мне это и что мне делать во уврачевании себя. Потому что это суть слова неверия отцу своему и пагубны для души. Если видишь, что учитель твой творит чудеса и прославляем бывает за то, верь тому и радуйся, и благодари Бога, что получил такого учителя. Опять, когда увидишь, что его бесчестят, а иногда и удары наносят ему завистники его, не соблазняйся тем. Если увидишь, что он страждет страсти от злых людей и приемлет распятие, яко злодей, то если можешь, умри и ты с ним, имея к нему твердую веру и нисколько не умаляя ее, хотя бы весь мир осуждал его и поносил».

Если же такая вера колебалась, то на ученике лежит всегда долг удостовериться в истинности пути своего старца. Преп.Симеон Новый Богослов, один из самых горячих почитателей старческого пути, определенно указывает и требует от ученика оставить старца как лукавого и неверного, если он заповедует что-либо несогласное с Божественной волей и учением Божьего Слова. «Кто видит себя, что он соблазняется своим аввой, тот должен отойти от него, дабы не погубить души своей». И хотя общим правилом отношение ученика к старцу было, как мы видели, неосуждение и даже более того нежелание заметить что-либо недоброе в старце своем, но это касалось только личной жизни старца, а не его старческого руководства. Иное дело, если ученик имеет основание думать, что старец неправильно ведет его по пути спасения. «Если будет тебе что повелено, наставляет Антоний Великий, согласно с заповедями Господа Бога нашего соблюди и исполни это с тщательностью. Напротив того, если будет приказано что-либо противное Божественным заповедям, тогда должно отвечать приказывающему: »повиноваться подобает Богу паче, нежели человеком"". Такой же взгляд высказывает и преп. Симеон Новый Богослов в приведенных уже многих словах, и преп.Иоанн Лествичник советует так же в случае, если старец окажется неисканным врачом, обратиться к другому. Подобные советы мы находим в древнем патерике. Один брат спрашивал авву Пимена: «Жить ли мне с аввой моим? Я погублю при нем душу свою». Старец, видя, что он терпит вред, удивился, как он, получая такой вред, оставался с аввой. И сказал ему: «Если хочешь, живи». Ушедши, брат остался жить. Потом он приходит к старцу и говорит: «Я терплю вред душе своей, живя близ аввы моего». Авва Пимен не сказал ему уйди от него. Брат приходит в третий раз и говорит: «Я уже не живу с ним». Старец говорит ему: «Вот ты теперь избавился от вреда ступай и более не живи с аввой».

Таким образом, при всем авторитете старца все же может быть такое положение дела, при котором ученик имеет право отойти от своего старца и искать себе другого. Но несомненно, что подобные обстоятельства всегда рассматривались как исключение. Общим же правилом было то, чтобы ученик, раз избравши старца, не отходил от него иначе, как получивши благословение от своего наставника на самостоятельное подвижничество. «Надобно вопрошать того, говорит преп.Симеон Новый Богослов, к кому имеешь веру и знаешь, что он может понести помыслы, и веруешь ему, как Богу, а вопрошать другого о том же помысле есть дело неверия и пытливости. Если веришь, что Бог говорит через святого Своего, то к чему же здесь испытание или какая надобность искушать Бога, вопрошая другого о том же самом? Кто вопрошает старцев, тот должен и сохранять советы их до самой смерти». «Всякого наказания достойны те больные, наставляет преп.Иоанн Лествичник, которые, испытавши искусство врача и получивши от него пользу, из предпочтения к другому оставляют его прежде совершенного исцеления. Не избегай из рук того, который привел тебя к Господу, ибо во всю жизнь твою ни перед кем не должен ты иметь такого почтительного благоговения, как перед ним». Было бы несправедливым не отметить того, что нередко старцы были недостаточно сами опытны и недостаточно порою добры к ученикам. В первом случае не возбранялось искать совета опытнейшего старца, но при этом рекомендовались величайшая осторожность и деликатность в отношении своего аввы. Вот, например, очень интересный рассказ об авве Кирионе и его сыне. Когда авва Захария находился в скиту, ему было видение. Вставши, он открыл видение авве своему Кириону. Но старец, сильный в подвижничестве, не был искусен в различении видений. Он встал и бил авву Захарию, говоря: «Твое видение от демонов». Но мысль не оставляла Захарию. Он встал ночью, пришел к авве Пимену и открыл ему все дело и как горит его сердце. Старец, видя, что видение от Бога, говорит ему: «Пойди к такому-то старцу и сделай все, что он ни скажет тебе». Захария пошел к старцу. Старец, ни о чем его не спросив, наперед ему сказал обо всем и о том, что видение было от Бога, но иди, прибавил он, и будь послушен отцу своему ("Отечник"). В случае некоторой несправедливости или излишней суровости аввы, хотя тоже не запрещалось оставлять его или искать утешения у других, опытнейших старцев, но все же рекомендовалось возможное терпение и последнее

признавалось великой добродетелью. Рассказывали об авве Иоанне Фивейском, младшем ученике аввы Аммона. Двадцать лет служил он больному старцу и сидел с ним на рогоже, но старец не обращал на него внимания, и хотя Иоанн много трудился для него, но старец никогда не говорил ему: спасайся. Когда же старец приблизился к смерти и к нему собрались другие старцы, то, взяв Иоанна за руку, сказал ему: «Спасайся, спасайся, спасайся». И, поручив его старцам, сказал: «Это ангел, а не человек» ("Отечник"). В том же «Отечнике» рассказывается об одном послушнике следующее. Некоторый старец жил в монастыре вне Александрии. Старец этот был очень вспыльчив и малодушен. Некоторый юный монах, наслышавшись о нем, дал обет пред Богом, говоря: «Господи, за все злое, содеянное мною, я пойду и буду жить с этим старцем, претерпевая от него все и служа ему, как раб». Так и поступил он: пошел к старцу и начал жить с ним. Старец поступал с ним, как с псом, ежедневно издеваясь над ним. Бог призрел на смирение брата. После шести лет его жизни со старцем он увидел во сне некоего страшного с великим свитком в руке. Явившийся сказал ему, что половина написанного на свитке изглажена, и сказал: «Вот, половину твоего долга изгладил Владыка, позаботься и о прочем!» По соседству жил другой старец, духовный, и слышал всегда, как малодушествует старец и оскорбляет брата, как брат кланяется ему, а старец не прощает. Встречая молодого монаха, духовный старец говаривал ему: «Что, чадо? Как прошло? Приобрели ли мы что? Изгладили ли что из свитка?» Брат, зная, что старец духовен, не скрывал от него тайн своих, но отвечал: «Да, отец, сегодня мы немного потрудились». Когда же он проводил день спокойно, не будучи ни обруган, ни оплеван, ни бит, ни изгнан, то приходил к духовному старцу вечером, плача и говоря: «Увы, нынешний день был несчастлив, ничего не приобрели мы, провели день спокойно». По прошествии других шести лет брат скончался. И поведал духовный старец, что он видел брата предстоящим Богу у старца своем, говорящего в молитве: «Господи, как ты помиловал меня при посредстве его, так помилуй и его по благодати Твоей и ради меня, раба Твоего». По истечении сорока дней брат взял к себе и старца в место упокоения. Вот какое дерзновение имеют к Богу терпящие скорби ради Него.

Но не всегда и самые суровые старцы оставались непреклонными в своей суровости, когда встречались с искренним смирением учеников. И патерики передают не один трогательный рассказ о том, когда сами старцы, побежденные кроткой любовью учеников, духовно перерождались и даже делались сами учениками у своих духовных детей. Вот для примера один из таких рассказов. Некоторый старец имел весьма искусного ученика. Однажды, огорчившись на ученика, он выгнал его вон из келии. Ученик, вышедши из келии, сел у дверей ее в ожидании. Старец отворил дверь и увидел ученика и начал просить у него прощения, говоря: «Ты отец мой. Твоим смирением и терпением побеждено мое малодушие, войди в келью и отसेди будь моим старцем и отцом, а я буду новоначальным и учеником твоим, потому что дела твои выше моей старости».

Мне пришлось довольно долго останавливаться на теневой стороне отношений старца к ученику как выражении человеческой слабости и ограниченности. Но это только исключения, и притом редкие. Подлинная же духовная сущность и ценность старчества всегда состояла и выражалась в самоотреченной любви старца к ученику, в такой любви, которая всю жизнь старца делала радостным служением его духовным детям, всецело переживавшего их дела и подвиги, как свои собственные. Здесь в отношении старца к ученику должна была соединяться величайшая авторитетность отца с нежностью матери. Вот какими словами и сами старцы характеризуют свои отношения к ученикам, а последние вспоминают о любви своего старца.

Если от общей характеристики отношений между аввой и учеником мы обратимся к тому, что составляло главный предмет отеческого внимания, то всегда отцы одинаково определяют главное делание ученика как искреннее и откровенное исповедание своему старцу помыслов и

вообще сообщение ему самого полного отчета о своей жизни, о всех своих поступках, мыслях и настроениях. По словам преп. Антония Великого, авва должен был знать решительно все о жизни ученика. «Подобает, говорит он, монаху совещаться со старцем о каждом шаге, который он делает, даже в своей келии, о каждой капле воды, которую выпьет». Подобное же говорят и другие подвижники. В древнем патерике передается беседа с одним старцем, жившим близ аввы Зенона. «Мы спросили его: »Если кого беспокоит греховный помысл и он прочитает или услышит сказанное отцами о борьбе с таким помыслом, хочет исправить свое душевное настроение, но не может, хорошо ли исповедовать это кому-либо из старцев или должно руководствоваться прочитанным и удовлетворяться своей совестью?» Старец отвечал нам: «Должно исповедовать отцу, способному оказать помощь, и не уповать на себя. Боримый страстью не может сам себе принести пользы, в особенности если страсть обладает им.» Со мною в юности моей случилось почти таковое. Душа моя была уязвлена страстью, и я побеждался ею. Слыша об авве Зеноне, что он исцелил многих, я вознамеривался идти к нему и возвестить совершившееся надо мною. Но помысл удерживал меня, внушая мне: ведь ты знаешь, как должно поступать поступи сообразно прочитанному тобой и не соблазняй старца. Когда я решился не идти, брань облегчилась несколько, и я оставил намерение мое. Старец прозирал, что я имею что-то на сердце, но не обличал меня, а ждал, чтобы я сам исповедовал ему; вместе с тем, он наставлял меня на благое жительство и отпускал меня с миром.

Он сказал мне: «Чего ты стыдишься? Скажи мне, не человек ли я? Не три ли года ты приходил сюда, имея эти помыслы и не исповедуя их?» Старец хотел объяснить нам, что те, которые исповедуют помыслы свои отцам, должны исповедовать со всею искренностью, с сокрушением сердца, как бы перед самим Богом, тогда они могут получить милость. Исповедь же, совершаемая с небрежением или с намерением искусить старца, не только не приносит пользы, но и служит к осуждению".

Авва Исаяя дает такое наставление: «Советуюсь о помыслах твоих, не допусти себе лицемерства, говоря не то, что следует сказать, или говоря о своем поступке, как бы о поступке другого. Скажи истину и приготовься исполнить услышанное. Покушаясь обманывать старцев, которых вопрошаешь, ты будешь обманывать не их, а самого себя».

В правилах преп. Макария Александрийского ученику внушается «никаких прорывающихся в сердце помыслов не таить по пагубной стыдливости, но тотчас, как только они зародились, открывать их своему старцу и в суждении о них не верить своему уму, но всегда считать худым или хорошим только то, что найдет и признает таковым по испытании старец». Отсюда происходит то, что хитрый враг ни в чем не может обойти юного, неопытного и несведущего инока и никакой хитростью обмануть его пока он видит, что он ограждает себя не своим, а старца своего рассуждением, и пока не успеет убедить его утаивать от старца внушения, которые он, как стрелы огненные, ввергает в его сердце. Ибо иначе этот крайне тонкий диавол не может обольстить или низринуть (в падение) юного, если наперед не увлечет его к скрыванию своих помыслов по гордости или стыду. Очевидным признаком того, что известный помысл есть диавольский, почитают они то, если мы стыдимся открыть его старцу своему. Преп. Симеон Новый Богослов в своем наставлении ученикам советует совершать исповедание помыслов своих духовному отцу своему, если можно, каждый час, если же это невозможно, не пропускать, по крайней мере, ни одного дня без исповедания их. «Тотчас после утрени испытай себя добре и открой своему отцу духовному, что с тобой случилось, имея к нему полную веру. Каждодневно должно исповедовать всякий помысл духовному отцу своему, и что он будет говорить тебе, принимать то, как из уст Божиих, с полным убеждением в истине того непреложной, другому же никому не передавать, что-де спросил я отца моего о том-то и о том-то и он ответил мне то и то, и тем паче не переспрашивать, хорошо ли он сказал мне это и что мне делать в уврачевание себе».

Потому что это суть слова неверия отцу своему и пагубны для души. Это наиболее часто случается с новоначальными. Преп.Иоанн Кассиан, изучивши старческое устройство на Востоке, также с силою отмечает великое значение исповедания помыслов старцам: «Приобретается истинная рассудительность истинным смирением, коего первым доказательством служит открывать ему не только то, что делаем, но и то, что думаем, ни в чем не доверяясь своему помыслу, но во всем следовать наставлениям старцев и считать хорошим или худым только то, что они признают таковым. Так предание рассуждению отцов своих помыслов заменяет свою рассудительность и научает ей». Такое исповедание помыслов совершалось обычно наедине со старцем, но, по свидетельству преп.Иоанна Лествичника и других подвижников, иногда старцы требовали и открытого исповедания своих помыслов. И конечно, не простое любопытство заставляло старца видеть со стороны ученика такую совершенную откровенность, но последняя была необходима. Ввиду указанного выше характера отношений между учителем и учеником авва является для послушника выразителем суда совести и законодателем для воли. Даже еще того более старец олицетворяет собою самую волю ученика, от которой последний добровольно отрекся. Но воля действует не иначе как по мотивам определенных чувствований и по законам ассоциаций представлений. Авва должен был знать эти мысли и чувствования ученика, чтобы своею утвержденною в добре волею руководить жизнью своего духовного сына. И так как область представлений мыслей наиболее отчетливо выступает для нашего сознания и без предшествующего представления не бывает никогда чувствований и невозможно никакое действие воли, то естественно, что центром внимания и ученика, и его старца были помыслы, т.е. мир представлений, образы. «Если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло», говорит Евангелие (Мф6, 22). Если помыслы чисты, то и чувствования будут святы, и воля устремлена на делание добра. Точно так же из мира внутренних наших переживаний, из нашего сердца исходят и помышления злые. Задача духовного руководителя и сводилась, прежде всего, к тому, чтобы воля сначала аввы, а постепенно и воля самого ученика напряженно, неустанно боролась с наплывом недобрых и нечистых помыслов и соусплаждалась доброму слову и доброй мысли.

Предметом особого исследования могла бы являться речь о тех путях, какими иноческий опыт учил новоначальных монахов борьбе со страстями и вел к победе над ними. Я думаю, что и для современной сакраментальной психологии можно было бы найти в аскетических исканиях очень богатый материал для учения о воспитании воли. Лично я, соответственно своей главной задаче, лишь кратко остановлюсь на этом вопросе и для иллюстрации приведу несколько суждений старцев о том, как они советовали ученикам побеждать недобрые помыслы и воспитывать душу для внедрения в нее мира чистых и ясных представлений. «По качествам страстей наших, наставляет преп.Иоанн Лествичник, должно рассуждать, какому руководителю отдаться нам в повиновение, и сообразно с тем такого и избирать. Если ты невоздержан и удобопреклонен на плотскую похоть, то да будет твоим учителем подвижник и в отношении похоти неумолимый, а не чудотворец, который готов всех примирить и угощать трапезой. Если ты высокомерен, тогда будет твоим руководителем человек суровый и неуступчивый, а не кроткий и человеколюбивый. Не должно искать таких руководителей, которые бы имели дар пророчества или прозрения, но прежде всего истинно смиренномудрых и по нраву и местопребыванию своему приличных нашим недугам». Иллюстрацией к этим словам преп.Иоанна является его же рассказ о некоем Исидоре. «Некоторый муж, по имени Исидор, из князей города Александрии, отрекшись мира, удалился в обитель. Преподобный пастырь оной, приняв его, заметил, что он весьма коварен, суров, зол и горд; посему премудрый сей отец покушается человеческим вымыслом преодолеть бесовское коварство и говорит Исидору: »Если ты истинно решился взять на себя иго Христово, то хочу, чтобы ты прежде всего обучался послушанию". Исидор отвечал ему: «Как железо кузнецу, предаю себя тебе, святейший отче, в повиновение». Тогда великий отец, утешенный сим уподоблением, немедленно назначает подвиг сему железному Исидору и говорит: «Хочу, чтобы ты, истинный

брат, стоял у ворот обители и всякому входящему и исходящему человеку кланялся до земли, говоря: »Помолись обо мне, отче, я одержим злым духом"" . Исидор так послушался, как ангел Господа". Преп.Феодор Студит также указывает на необходимость полного соответствия между болезнью воли и способом ее оздоровления: «Не всем, говорит он, одно бывает нужно: одному нужна епитимия, другому узда, третьему обличение и увещание; у всякого своя страсть, свои навыки. С ними надобно согласовать и врачевательные приемы». У многих подвижников мы находим и частные советы, как воспитывать волю в том или другом направлении. На вопрос ученика «Что мне делать, отче, для того чтобы бояться Бога?» один опытный старец Паисий ответил: «Иди, живи с человеком, боящимся Бога, и тем самым, что он боится Бога, научит и тебя бояться Бога». «Сближайся с праведными, наставляет преп.Исаак, и через них приблизишься к Богу. Обращайся с имеющими смирение и поучись их нравам. Ибо если воззрение на таковых полезно, то кольми паче учение уст их». «Идущий по следам святости, говорит св.Григорий Нисский, может приобщаться сей святости. Как от одной горячей лампы пламя передается и всем прочим светильникам, которые прикасаются к ней, и несмотря на то первый свет не уменьшается, хотя через сообщение в равной мере уделяется и заимствующим свет от него, так и святость сей жизни преемственно распространяется от преуспевающего в оной на приближающихся к нему, ибо истинно пророческое слово, что обращающийся с преподобным, неповинным и избранным и сам делается таковым». И первым условием самой возможности воспитания и оздоровления воли ученика под руководством старца являлось, как и раньше было отмечено, смирение и всецелое подчинение воли ученика воле старца. «Вознамерившийся повиноваться Христу, говорит св. Василий Великий, не бросай себя подобно негодному сосуду, но (так или иначе) найди наставника, предай себя совершенно упраздненным, ни во что вменив и отринув всякую свою волю, чтобы оказаться тебе подобным чистому сосуду и, что вложено в тебя доброго, хранить к своей похвале и славе».

Считаю нелишним отметить, что старец или духовный отец в древней Церкви и в монашеском быту вовсе не был духовником в теперешнем смысле этого слова. Очень многие великие аввы не имели священничества, а в скитском жителстве этой колыбели старчества не всегда бывали и постоянные пресвитеры, но нередко последние приходили только для совершения богослужения. Конечно, и в исповедании помыслов, и в разрешении старца был также подлинный мистический элемент. Но утверждалось это не на христианском даре священства, как в обычной исповеди, но на совершенно особенных моральных отношениях и обязательствах между отцом духовным (в громадном большинстве случаев простым иноком) и послушником. И в этом случае, хотя и исповедание помыслов старцу не исключает исповеди перед пресвитером, но духовный суд старца имел не меньшее значение, чем власть священника вязать и разрешать грехи. Эта авторитетность старческого суждения не была определена никакими соборами, но утверждалась на великом общецерковном уважении к подвижническому руководству. Преп.Феодор Студит рассказывает такой интересный случай, который свидетельствует о признании древней Церковью всей силы старческого определения. Один старец наложил запрещение на ученика за неисполнение повеления и, не успев дать разрешения, умер. Ученик после его смерти ищет разрешения от положенного на него запрещения; но к кому он ни обращался, никто не осмелился исполнить его просьбы и отсылал его к большему. Наконец, ученик обратился к Константинопольскому патриарху Гермогену со своей просьбой, но ни патриарх, ни соборный им собор архиереев не могли разрешить епитимию старца, о котором неизвестно даже, имел ли он сан священства.

Нужно сказать, что эта особенная авторитетность старческого разрешения грехов, большая близость его к таинству исповеди делали как бы естественным опыты соединения в старце духовного руководителя и священнослужителя. Подобное соединение мы и действительно встречаем в общежительных монастырях, в особенности в позднейшее время. Но это было даже далеко не обязательным. Я не буду останавливаться на исторической судьбе старчества в

греко-восточной церкви. Некоторые интересные данные по этому вопросу можно найти в серьезных работах покойного профессора С.И.Смирнова «Духовный отец в древней Церкви» Смирнов С.И. Духовный отец в древней Восточной Церкви. История духовничества на Востоке. Часть I. Сергиев Посад, 1906. Прим. ред.> и отчасти в очень содержательной брошюре прот. Ал.Соловьева «Старчество».

Так как задача моей беседы прежде всего идеологическая, то мне теперь после характеристики старчества остается только высказаться по вопросу возрождения этого вида монашеского устройства в наше время и еще частнее у нас в России.

Мне кажется несомненным, прежде всего, что старческое руководство есть чисто иноческий путь жизни в осуществлении обета послушания. Старец опытный монах, а ученик новоначальный инок, берущий на себя крест подвижничества и долгое время нуждающийся в руководстве. Отречение от мира и смерть для него в монашеском устройении частично, но и существенно выражается в отречении от своей воли в обете послушания. Такова первая характерная сторона старчества. Вторая черта, имеющая такое же существенное значение, выражается совместным жительством старца с учеником.

Всегдашние и настойчивые предписания ежедневного и даже ежечасного исповедания своих помыслов духовному отцу, естественно, могли быть осуществлены не иначе, как в том случае, если старец и ученик жили вместе, и главная наука в этом отношении состоит, быть может, не столько в словах и наставлениях старца, сколько в его делах, во влиянии живой личности, как мы уже видели. И если такое совместное жительство старца и ученика прекращалось, то не иначе, как по прошествии достаточного времени, когда старец давал ученику известное послушание жить отдельно, для испытания духовной силы ученика или же навсегда благословляя его на свободное подвижничество, если считал ученика достаточно зрелым.

Третья характерная и существенная черта древнего старчества есть глубочайшая нравственная связь между старцем и учеником. Об этом я уже не раз говорил, когда обращал внимание на ту нравственную ответственность, какую принимали на себя друг перед другом и учитель, и ученик. Вообще отношения между старцем и учеником совершенно исключительные, требующие полного отдания учеником своей жизни в распоряжение старца. Четвертая отличительная черта древнего старчества состояла в том, что число учеников старца было ограничено один, два; много три ученика. Таков был обычный порядок старческого устройства. Правда, в общежительных монастырях позднейшего времени старцы-руководители имели нередко гораздо большее число учеников. Но я уже отметил, что в общежительных монастырях позднейшего времени, отчасти в связи с внешними условиями жизни, а отчасти в зависимости от стремления игумена к централизации духовной власти, замечается определенный упадок старческого окормления, и только на Афоне, где процветали все виды монашеского устройства, старчество сохранило свое прежнее значение и в свое время явилось колыбелью возрождения старчества в России со времени Паисия Величковского (около XVIII столетия). Конечно, история древнего монашества представляет нам ряд великих отцов-старцев, которые не только имели ближайших учеников, но за советами к которым обращались и монашествующие, и миряне, которые нередко приходили издалека для свидания с великим аввой. Некоторые из старцев уклонялись от приема таких паломников и очень неохотно вступали в беседу с ними, другие, напротив, никому не отказывали в приеме и наставлении. Древние повествования сохранили много трогательных и поучительных рассказов о подобных встречах с великими подвижниками различных случайных посетителей. Но нужно заметить, что при всей любви старца к каждому входящему отношения между старцем и такими посетителями не носили интимного мистического характера, каким характеризовалось старческое окормление, и никаких особенных нравственных обязательств не принимали на

себя друг перед другом ни старец, ни его гости. В этом случае, впрочем, исключение составляло отношение великого аввы к его бывшим послушникам, которых в свое время сам авва благословил на путь самостоятельного подвижничества. Здесь нравственная связь между старцем и его бывшими учениками, как мы видели, нередко не умирала во всю их жизнь и являлась величайшим утешением для обеих сторон.

В заключение своей беседы я позволю себе остановиться на некоторых вопросах, связанных со старчеством и его историей. И первый вопрос подобного рода есть вопрос о соответствии старческого устройства с христианской свободой. Я уже попутно отметил, что старческое руководство свой источник имело в необходимости такого же воспитания человеческой воли, как и наших других духовных способностей. Никто не рождается сразу добрым, любящим и самоотреченным. Долгий опыт жизни ведет ко всему тому, и нередко человек изнемогает от сознания своего бессилия вступить на путь добра и на борьбу со злом. Особенно такое сознание недостаточности своих сил являлось почти неизбежно у новоначального монаха, принимающего на себя обеты совершенного иноческого жителства. Этот момент необходимости такого руководства, несомненно, и учитывал Первый Константинопольский Собор, который своим правилом определил: «отнюдь никого не сподобляти монашеского образа без присутствования при сем лица, долженствующего прияти его к себе в послушание и имети над ним начальство и восприяти попечение о душевном его спасении». И однако я отметил, что на всем почти православном Востоке замечается постепенный упадок старческого устройства. Конечно, было бы наивным упрощением дела думать, что решающее значение в этом случае имел антагонизм между властью настоятеля и авторитетом старца. Сущность дела мне представляется иначе. Как мы видели, идейный вид старца выступает в ореоле такой духовной красоты и силы, которым редко могла вполне отвечать действительность. Поэтому на самого ученика возлагается долг отыскать себе достойного старца и отдавать себе отчет в верности старца основным заветам Евангелия. Трудный путь вел в этом случае, как мы видели, к отысканию старца и требовал большого рвения и даже молитвенного подвига для того, чтобы не рисковать ошибочным избранием старца. Но ясно, что такое решение и молитвенное делание уже само по себе должно было говорить о значительной духовной развитости ученика, крепости его воли. Слабые же и неразвитые легко могли впадать в тягостные ошибки, и христианская древность доносит до нас горестные сетования о тяжелых и печальных результатах неумелого или недобросовестного старческого руководства. Такое возможное несоответствие старца своему назначению легко могло привести к сознательному убеждению, что в деле монашеского преуспевания надежнее и целесообразнее руководство писаного устава, чем личное усмотрение индивидуального ума и совести. Конечно, устав не отрицал принципиального старчества. Напротив, в уставах очень подчеркивается долг совершенного послушания отцу, но, во-первых, все-таки и всегда в уставах игумену предоставляется вся полнота власти, в том числе и контроль над деланием старца, а, во-вторых, сам устав настолько обстоятельно определял различные стороны иноческой жизни и так внимательно предусматривал отдельные типичные случаи и стороны начального периода монашеского воспитания, что личная инициатива старца очень суживалась и встречала в уставе непоколебимые границы как в направлении старческого вдохновения, так, справедливо нужно сказать, и в направлении рискованных духовных опытов воздействия старца на учеников. На вопрос, почему первоначальное старчество как бы потускнело и даже потухло с течением времени, история отвечает указанием на общую судьбу многих явлений церковной жизни, причем явлений высшего порядка, связанных со святостью, вдохновением, религиозным знанием. Так, умолкло пророчество древней Церкви, перестали существовать агапы, появилась ветхозаветная завеса, отделяющая алтарь от верных и небо от земли и т.д. Старчество в истории монашества разделило участь очень многих явлений такого же высшего порядка. Практический разум руководителей устройства жизни всегда говорит, что лучше середина, чем вершина, связанная с опасностью падения, с духовным риском. И кто

может с уверенностью сказать: не есть ли это подлинная историческая правда?

Но от истории снова обращаюсь к идеологии и сделаю замечания по поводу именно русского старчества с этой точки зрения. Я уже назвал имя Паисия Величковского как отца русского возрожденного старчества. О Паисии Величковском, его учениках и опыте возрождения старчества в Оптиной пустыни я говорить не буду, а интересующиеся могут обратиться к изданиям Оптиной пустыни, где обо всем этом рассказано подробно. Остановлюсь лишь на одной стороне русского старчества, которую оно очень резко отличается от древневосточного. Наше русское старчество последнего столетия, как я сказал, есть детище афонского монашества, которое, в свою очередь, получило старчество в наследие от древневосточной Церкви. А между тем, наше старчество едва ли не с первых дней своего появления в России вступило на самостоятельный и новый путь и явилось не столько монашеским, сколько народным. Достоевский популяризировал идею старчества и очень удачно отметил этот его характер, несомненно, на основании своих оптинских впечатлений. Сам Паисий Величковский был старец древневосточного типа: келия, учение, занятия и ученики из новоначальных иноков вот его духовное дело. Оптина пустынь другое дело. Ее старцы отцы и советчики для всего русского народа и только в очень ограниченной мере для иночествующих. Теперь мне трудно себе представить монастырь без старцев. Бывают и при этих старцах послушники, но центром их духовной работы являются так называемые богомольцы. Поэтому когда на какого-либо из иноков возлагается послушание быть старцем, то, сколько мне лично известно, прежде всего имеется в виду это умение, духовный дар религиозно говорить с народом, удовлетворять по возможности всем запросам народной души, и, кажется, неизбежно оказывалось, что монашествующие в этом случае отступили как бы на второй план. Всероссийскую известность Оптиной пустыни создали ее старцы, а между тем и Леонид, и Макарий, и Амвросий много видели горького и со стороны своих монастырских братьев, и со стороны калужской епархиальной власти. Так, например, Амвросий не выдержал этого духовного гнета и удалился в последние дни своей жизни в Шамордино, а Леонид, со своим удивительно ярким и всегда самобытным словом убеждения, доказывал, что доля старца быть на служении всему человечеству. Конечно, принимали мирян и Антоний Великий, и другие великие старцы, но то было внешнее и как бы случайное в их делании, да и немногие могли отважиться на подвиг достигнуть внутренней Египетской пустыни. Авву окружали и посещали прежде всего иночествующие братья. А в Оптиной пустыни целые корпуса построили для приезжающих к старцам мирян, и старцы от зари до зари принимали их, отдавая лишь вечера своей братии.

И, обыкновенно, часто здесь не было никакой обиды. Напротив, братия гордилась своим старцем и радовалась наплыву богомольцев.

И самые решительные архиереи никогда не выходили победителями из борьбы со старчеством, собственно с его широким уклоном. Очевидно, что и здесь дело было не так просто, как могло показаться на первый взгляд, и корни нового типа старчества находятся в глубине нашей религиозной жизни. Мне кажется, что если бы кто-либо из древних аскетов пришел взглянуть на нашего современного старца, то он решительно отказался бы видеть в старце нашем монастырского авву, да и в самой обители христианский монастырь.

Однако при всем этом новое понимание задач старческого устройства входит в плоть и кровь наших монастырей, и притом не худших, а лучших, являющихся центрами религиозной жизни для всей области. Но мне думается, что в нашем старчестве нашла свое отражение особенная религиозная стихия русских монастырей. Есть великая религиозная и правда и поэзия в византийском типе монастыря. Это, прежде всего, совершенная обособленность его представителей и самих иноческих общежитий от мира. Конечно, с течением времени,

главным образом под ударами арабов, монастыри вынуждены были перекочевать в города. Но идеал оставался прежним, и, как бы ни смеялась над ним действительность, идеал этот воплощался в уставах и лучших представителях иночества. И если во многих ктиторских уставах волей-неволей приходилось приноравливаться к новым условиям жизни, то, во всяком случае, существа дела это не касалось и принципиальная изолированность монастыря от мира выдерживалась строго.

<<Византийская>> монастырская культура ярко и самобытно выражала эту изолированность во всех направлениях. Иное дело в России. Религиозная правда и поэзия этой жизни не в такой изолированности. В нашей народной жизни монастыри имели значение не столько, быть может, оазисов христианской жизни, сколько ее центров для народного сознания, к которым тянулся народ во все времена и преимущественно в годы особенной тоски и печали. Наша монастырская культура, несомненно, до крайности бедна и убога по сравнению с Византией. Но зато тип русского монаха-народолюбца есть наш исторический тип. Много ли это, мало ли судить не берусь, даже не знаю, не есть ли это некоторое понижение строго-монашеского типа жизни. Но все же, если чем мы можем гордиться, так только тем значением, какое имели наши монастыри в народной жизни. Не создали мы ни своих уставов, ни одного поэтического цельного богослужебного чина, но мы подарили миру великие сердца. Для русского народа прямо было бы непонятно, если бы его не пустили в монастырь, а он любил монастыри прежде всего как свои народные святыни. И старцы отвечали на эту народную любовь. Когда, например, Леонид Оптинский говорил, что он ничего более не желал бы, как возможности сидеть тихонько в своей келии, но только жалость к народу заставляла его вечно быть на людях, то он точно выражает настроение и всех других старцев. И если вы сравните изречения древних отцов в патериках с изречениями наших наиболее известных старцев, перечитаете их письма, то вы сразу увидите эту разницу между древним аввой и нашими старцами. Общее у них – совершенная самоотреченная любовь, но в то время как древний аскет весь был овеван атмосферой своего спасения и переживаний сердцем только мистических настроений, наши старцы имели гораздо больший кругозор, говорили и писали о духовной жизни в условиях обыкновенного русского мирского быта. Как смотреть на это различие? Лично я считаю его настолько существенным, что в наших русских монастырских старцах вижу, в известном смысле слова, восполняющих дела древневосточного аввы, но не замещающих его. Поэтому в отношении наших монастырей мне казалось бы желательным, чтобы в них процветали параллельно оба вида старчества, т.е. и специальное руководство на пути иноческой жизни, и умудренные опытом жизни старцы-подвижники, могущие быть яркими светочами на пути искания народом нашим религиозной правды. Конечно, в настоящем случае все же было бы несправедливо усвоить старцу и отношению его к посетителям то значение, какое усвоилось древней Церковью старцу в его отношении к ученикам. И нельзя закрывать глаза на тот опасный уклон, который теперь очень нередко принимает старческое руководство в отношении мирян, обращающихся к старцу за разрешением всевозможных вопросов своей жизни и своего быта. Соблазн такого расширения сферы своего влияния, как показывает опыт наших дней, очень велик даже для достойнейших старцев. Но такой выход за границы собственно духовно-религиозной жизни не имеет никакого оправдания во вселенских традициях старческого устройства и едва ли в какомлибо отношении может оказаться полезным для Церкви. Конечно, каждый человек имеет право высказывать свои суждения и давать советы по любым вопросам, но не вправе претендовать на религиозную авторитетность. Итак, я полагаю, что русское старчество это новый вид монастырского послушания в деле служения Церкви народу. Едва ли после этого надо говорить о том, что и русское старчество, как и древневосточное, неотделимо от монастырского жительства. О старчестве же вне монастырей другого ничего нельзя сказать, как только то, что это просто религиозно-коммерческое предприятие, ничего общего не имеющее ни со старчеством, ни с православием вообще. Старцы в миру, думаю, без исключения все, это опасные для Церкви авантюристы, которые,

конечно, могут эксплуатировать народную темноту и интеллигентскую нервную издерганность, но которые перед судом церковной совести всегда являются самозванцами и заслуживают, безусловно, церковного осуждения. Данная оценка «старчества вне монастырей» противоречит истории старчества, изложенной автором в докладе, и вызвана особыми обстоятельствами начала XX века.

Старчество с древнейших времен существовало вне общежительных монастырей. И после 1917г., можно сказать, все уцелевшие старцы жили вне монастырей, самоотверженно сохраняя духовную культуру, в самых тяжких условиях являя окружающим пример всецелой любви к людям. Прим.ред.>. Что же касается возрождения старчества в наших монастырях, то, конечно, можно только горячо приветствовать это возрождение, равно как и принять религиозно-новый тип старчества. Общий завет церковно-монастырской древности определенно говорит, что иноческий путь ведет к совершенной любви, обнимающей всех людей и даже весь мир. Пусть потоки этой любви свободно изливаются и в народную душу; нельзя только забывать, что такая совершенная любовь есть не общий удел, но лишь совершеннейших иноков. А в отношении таких людей излишни были бы и какие-либо инструкции, и правила. Здесь сфера того религиозно-мистического делания, которая, конечно, всегда соединяется с известным риском, но без которого нет и подлинно церковного, а еще частнее- монашеского творчества.

С. С. Бычков: О православных братствах. Окончание.

Церковная жизнь

Окончание. Начало см. в №2, 1992 г.

По рассказам участницы, когда-то тамбовской жительницы, можно восстановить некоторые черты тамбовского братства. Оно напоминало московское братство. В Москве она посещала храм на Солянке, где служил до ухода в затвор архим. Серафим (Батюков). После того как в 1910 г. епископом Тамбовским и Борисоглебским стал Кирилл (Смирнов), он организовал в Тамбове несколько молодежных содружеств. Своеобразие жизненного пути вл. Кирилла влекло его к молодежи. Свой путь он начал женатым священником еще в 1887 году. Он овдовел в 1902 г. после смерти дочери малолетняя дочь, проглотив булавку, умерла. Вслед за ней, не вынеся горя, умирает жена. В этом же году он принял постриг. Всю свою последующую жизнь он уделял особое внимание воспитанию молодежи. Когда в 1918 году он был избран митр. Казанским и Свияжским и покинул Тамбов, наиболее верные его последователи, молодой священник, рукоположенный им, Василий Кудряшов и настоятель собора о. Тихон Поспелов продолжали работу с молодежью. Сначала встречи напоминали молодежное содружество в Пензе совместная молитва, собеседования. В 1921 году оба священника были арестованы за сокрытие церковных ценностей действительно, о. Тихон с верными людьми спрятал под престолом наиболее дорогие сердцам верующих предметы, но был предан. Оба были приговорены к двум годам заключения. О. Василий вышел на свободу досрочно, в 1923 г., когда собор был уже захвачен обновленцами. Он продолжал тайно служить по домам, собирая вокруг себя верную молодежь. О. Тихон вышел позже, в 1924 г., тяжело больным и вскоре скончался. О. Василий был арестован вторично в конце 20-х годов и сослан на строительство канала Москва-Волга, на общие работы. Там, окончив фельдшерские курсы, он работал фельдшером, спасая жизни заключенных. Он был человеком образованным, необычайно одаренным, энергичным. Братчики разыскали его и навещали в лагере. Он освободился в 1936

году, выписал к себе семью, решив, как ему предложило начальство, продолжить работу на канале, но уже в качестве вольнонаемного. Но через несколько месяцев он был арестован в третий раз и сгинул в сталинских застенках.

Сохранился устав еще одного братства «апостола и евангелиста Иоанна Богослова», возглавлял которое еп. Арсений (Жадановский). Трудно датировать этот документ. Скорее всего, он относится ко второй половине 20-х годов, к тому периоду, когда епископ проживал под Москвой, на даче Л.Регельсон считает, что под Москвой владыка Арсений проживал с 1927 года.>. Кроме устава сохранились устные свидетельства. Интересно то, что братство посчитало необходимым определить свою церковную позицию: «Видя тяжелое состояние РПЦ, братство не противопоставляет себя официальной Церкви, но верит, что само является малой и неотделимой частью ее единого Тела. Братство сорадуется радостям и состраждет скорбям матери Церкви, молится о Ней, ищет обрести в Ее жизни то совершенство, к которому призывает нас Спаситель (Мф. 5,48)». Братчики, в основном интеллигенты, пришедшие в Церковь в зрелом возрасте (явление, характерное для первых лет Советской власти), осознают собственную немощь: «Немощные и грешные, оторванные от многовекового опыта церковной жизни, недавно призванные Богом, мы полагаем все наши надежды на Пресвятую Троицу и на встречу со Христом в таинстве Литургии. Из мрака и пустоты взываем единодушно: Ей, гряди, Господи Иисусе!»

В задачи братства входила помощь заключенным, нуждающимся, больным. Началось оно с молитвенных встреч молодежи, содокладов по истории Церкви, а позже, когда братчики ощутили себя общиной, подлинно Телом Христовым, они начали встречаться на литургии. После работы, вечером, на квартире то одного, то другого братчика, в уединенной комнате воздвигался престол (чаще всего особый столик), зажигалась свеча перед иконой и начиналось богослужение. В огромном холодном городе еженедельно загорался огонек братской любви. По словам одного из братчиков, «Литургия была объединяющим центром, и часто, в тот самый момент, когда слышалось восклицание: »Христос посреди нас!", неслышными шагами входил в комнату Божественный Страдалец, и молитва обретала крылья. Раздвигая стены, пронзив потолок, она устремлялась ввысь, в тот Град, где всякая слеза отерта и где царит неугасающая радость".

Устав, дошедший до нас целиком, плод соборного труда всех братчиков. В свое время он вызвал немало разделений. Понимая, что со дня на день его ждет арест, ссылка и лагерь, вл. Арсений старался оставаться в стороне. Он был скорее вдохновителем, чем организатором. Никогда не злоупотреблял личным авторитетом, никогда не старался подавить те или иные начинания. Единственное, на чем он не уставал настаивать, на строжайшей конспирации, понимая, что одно неосторожное слово, малейшая оплошность могут поставить под удар еще не окрепшую молодежь. Братство просуществовало до Отечественной войны. Многие братчики прошли тюрьмы, лагерь, но сумели сохранить общение, донести до наших дней свой опыт жизни в Церкви.

Община о. Николая Пульхретудова возникла в Пензе в начале 20-х годов. Рукоположенный вл. Иоанном Поммером, о. Николай был человеком энергичным, образованным, знал несколько европейских языков. В конце 20-х годов был арестован, отбывал заключение вместе с о. С.Мечевым в Усть-Сысольске. В лагере чудесным образом был извещен о смерти жены среди бела дня услышал колокольный звон, хотя в округе на несколько километров не было населенного пункта. В 1933 году был освобожден, решил обосноваться в Москве. Жил уединенно, зарабатывал переводами, сумел собрать вокруг себя немногочисленных испытанных людей. В 1945 году не присоединился к патриаршей церкви, хотя относился к умеренному течению непоминающих, не отрицавших благодатности сергианства. Его

связывала дружба с ныне покойным о. Ал.Ветелевым и архиеп. Ермогеном (Голубевым). Он почитал о. Дм.Дудко, часто бывал на его службах в храме на Преображенке. Круг людей о. Николая был немногочисленным, новые люди почти не проникали в его окружение. Скончался он в 1970 г., отпевал его о. Дм.Дудко. Братчикам о. Николай перед смертью дал наказ посещать храмы Московской патриархии.

Несколько слов о Нижегородском братстве, которое возглавлял А.С.Мишенькин, близкий друг Сергия Булгакова. Преподаватель нижегородской гимназии, образованный, глубоко верующий человек, он отличался необыкновенным обликом густые, с черным отливом, длинные, спадающие на плечи волосы, всегда тихий проникновенный голос _ все это завораживало гимназистов. Из числа наиболее способных учеников он отобрал братчиков (15 человек). Тайно они встречались в его квартире, сами выбирали интересующие их темы, а он помогал ребятам подготовить доклады. Оставаясь в стороне, на равных участвовал в прениях. Из-за неосторожности одного из братчиков, поделившегося своими переживаниями с одноклассницей, которая оказалась осведомительницей, братство после нескольких лет существования было разгромлено. Мишенькин и двое наиболее активных участников были арестованы. Для устрашения их поместили в камеру смертников: «Сидел в одиночной камере в корпусе смертников в Нижегородской пересыльной тюрьме. Слышал ночные выводы на расстрел, с криками выводимых »прощайте, братцы!“, и в ответ неслись изо всех камер ответные слова прощания, и через некоторое время слышны были ружейные выстрелы...” Все трое были сосланы, получили, как тогда говорили, «минус 7» сроком на 3 года. Мишенькин умер своей смертью в конце 20-х годов.

В предисловии к книге статей Г.П.Федотова, изданной в 1967 году издательством Имка-Пресс, повествуется о братстве «Христос и свобода». Ввиду того, что книга является большой редкостью, осмеливаюсь кратко повторить историю этого братства. Оно возникло в 1917 году вокруг эпигонов Религиозно-философского общества А.А.Мейера и К.А.П. (долголетнего секретаря общества). Вначале это был малочисленный кружок, который не мог быть назван не только церковным, но и православным. Три протестанта, две католички, перешедшие из православия, несколько некрещеных евреев и, в большинстве, православных по рождению и миросозерцанию, но пока что стоящих вне таинства. Несмотря на присутствие некрещеных евреев, которых никто не принуждал креститься, все входившие в объединение ставили имя Христа в центр своей жизни и мысли. Кружок собирался каждый вторник и, не имея особого имени, члены его называли друг друга «вторничанами». Обсуждаемые вопросы никогда не были ни чисто богословскими, ни литургическими. Они вращались вокруг освещения современных событий в духе христианства. Обычно тема обсуждения объявлялась на предшествующем собрании, и в следующий вторник кто-нибудь из одаренных членов кружка (Г.П.Федотов, А.А.Мейер, Н.П.Анциферов) произносили очень краткое вступительное слово, и все члены без исключения должны были откликнуться, хотя бы одной фразой. Тут действительно получалось соборное общение, подлинный «круг», и заранее пресекался всякий полемический азарт.

Никакой определенной политической ориентации кружок не имел; был один монархист (единственный настоящий пролетарий), готовый видеть в бароне Врангеле Александра Невского, были два коммуниста, тоже живущие именем Христа. Но большинство участников смирилось перед неизбежным, считая заговоры и террор напрасным кровопролитием; как большинство русской интеллигенции, они надеялись на эволюцию власти. Один из членов кружка любил спрашивать: «Как молиться: свергни большевиков или вразуми?» Думаю, что в это время большинство ответило бы: «вразуми».

Широкий состав кружка был довольно подвижен. Кое-кто отпадал, но в то же время входили

новые, главным образом молодежь, привлекаемая теми из членов кружка, которые сохранили связь с преподаванием. Один из членов кружка потерял работу в средней школе за то, что многие из учеников его, евреев, крестились.

Хочется вспомнить одного человека, не имевшего непосредственного отношения к кружку. Это М.Э.Шайтан, по рождению караим, принявший христианство. Когда всеобщая история была отменена в средней школе, он ухитрился под видом «истории труда» читать древнюю историю, в которую включал историю первохристианства. Обаяние его было так велико, что до его преждевременной кончины в 1926 г. доносов на него не поступало.

Через год, в канун Введения Богоматери, основное ядро кружка (около 11 человек) основало братство с обетом «Христос и свобода». С этого времени собрания начинались молитвенным правилом, в которое входили и церковные и «свои» молитвы. «Отче наш» всегда читали на трех языках: церковно-славянском, латинском и немецком, в чаянии соединения церквей. Священников в кружке никогда не было, разве в виде случайных гостей на одном или двух собраниях. Сохранилась молитва, которая составляла центр молитвенного правила.

Широкий состав кружка по-прежнему собирался по вторникам, а члены братства по воскресеньям. Помимо кануна Введения, праздником был день Сошествия Св. Духа. Праздники справлялись очень торжественно, с общей трапезой, которая начиналась символическим вкушением хлеба и вина, разумеется, без всяких претензий на таинство...

С 1920 по 1923 год Г.П.Федотов преподает в Саратове, а в начале 1923 г. переселяется в Петербург. Возвращение в Петербург было связано с возвращением в «братство» и работой в кружке. Церковное положение православных членов в это время не изменилось, инициаторы кружка все еще оставались вне таинства. Евреи разрешали этот вопрос гораздо легче и проще, может быть, потому, что над ними не тяготело никакое церковное прошлое, свое или семейное. Обращение евреев-интеллигентов в христианство было в то время явлением довольно частым. Чуждаясь много лет церкви господствующей, многие в жертвенном порыве устремлялись в церковь гонимую, которая могла сулить им только мученичество. Невозможно было не радоваться обращению ко Христу сынов и дочерей Израиля. Каждое крещение праздновалось торжественным образом. Но вместе с тем большей частью, слава Богу, не всегда это было тяжелым ударом для братства. Новообращенные попадали под влияние крестившего их священника и под его влиянием начинали подозревать и обличать А.А.Мейера в «мережковских» ересях.

Наконец, настала очередь и для внецерковного ядра братства. Старый товарищ по семинару Гревса и друг Георгия Петровича С.С.Безобразов, покидая Россию, посоветовал ему в случае нужды обратиться к его духовному отцу протоиерею Тимофею Налимову.

О. Тимофей, бывший духовник митр. Вениамина, у себя дома только исповедовал, а причащаться посоветовал у своего духовного сына, прот. Леонида Богоявленского. Так закончился путь Г.П. от «марксизма к православию». По какой-то «провиденциальной случайности» в Церковь одновременно вернулись и другие инициаторы братства, прежде всего А.А.Мейер. Члены братства никогда вместе не причащались, но соучастие в таинстве дало братству новую полноту.

Кружок продолжал развиваться и расти, хотя и не в очень широких размерах. Новые члены принимались по серьезной рекомендации. Такого рода кружки, разной степени церковности, были по всей России. Но между кружками было мало общения, что, вероятно, долго охраняло от обнаружения. К 1922 г. собрания братства заглохли из-за «опасных времен». В квартире Г.П. был даже аналой, которым пользовались во время праздничных собраний. Очевидно, молитва о

ниспослании «изгоняющей страх совершенной любви» спасала не только от страха, но и от идеи опасности.

В 1925 г. Г.П. покидает Россию. Братство продолжало свою работу до 1929 г. По дошедшим слухам, один из членов кружка оказался доносчиком. Судили по делу организации «Воскресение», привлечено было 100 человек, вероятно, как всегда, с «пришиванием». Приговор, принимая во внимание линию «лояльности» членов братства по отношению к власти, был чрезвычайно жесток. А.А.Мейер был приговорен к расстрелу, но наказание было заменено 10 годами соловецкого «изолятора» по ходатайству его старого друга, впоследствии расстрелянного, большевика Енукидзе. Другие получили 10-ти и 5-тилетние сроки лагерей. По рассказам, Мейер и в лагере продолжал «искать с фонарем» человека, пока не был окончательно измучен повторными допросами во время ежовщины. После десятилетней каторги он умер в Петербурге в 1939 году от рака. А.П.Смирнов, специалист по русской иконе, умер на каторге. Философ Аскольдов-Алексеев умер в Берлине от разрыва сердца в 1945 г., после долгой ссылки в Новгороде. Т.Н. и Н.Н. Гиппиус затерялись в лагерях в Померании, о судьбе их ничего не известно.

Завершая это небольшое исследование, оглядываясь на современность, с горечью приходится признать, что многое, с такой любовью и самоотверженностью созданное в «глухие года», ныне совершенно забыто. Страшный урок явлен нам: разобщенность и духовная спячка, самоуспокоенность наших предков привели к тому, что благоприятное время, отпущенное свыше на проведение Московского собора 1917-1918 гг., было потрачено большей частью на пустые споры. Насущные проблемы прихода, общины, богослужения не были разрешены. И возмездие не замедлило: инспирируемые ЧК, живоцерковники в 1922 г. разбойничьи пытались разрешить эти проблемы. Это был первый удар по РПЦ. За ним последовало раздирание «нешвенного хитона» самими христианами. Возникновение «непоминающих», затем многолетнее дробление РПЦ вот что обессилело церковь. Физическое истребление атеистами лучших епископов, священников и мирян довершило этот процесс. К отечественной войне РПЦ подошла истощенной. А тот огромный поток верующих, хлынувший в Церковь во время войны и после нее, часто не задерживался духовные запросы людей оставались неутоленными. Но Церковь Христова живет и «присно обновляется».

Предвоенный опыт братства, создания общин вне прихода не исчез бесследно. В 60-е и 70-е годы приходилось встречаться с оставшимися в живых мечевцами, братчиками о. Романа Медведя, о. Серафима Батюкова, о. Василия Кудряшова, о. Николая Пульхретудова. Живое общение с этими людьми, ставшими бродильным началом в нашей благодушствующей атмосфере, натолкнуло на более подробное исследование истории братств. Но самое сильное, незабываемое впечатление произвело пребывание в Спасо-Преображенской пустыни и общение, к сожалению, недолгое, с духовником пустыни о. Таврионом (Батозским).

В пустынь о. Таврион приехал в 1968 г. после смерти духовника обители о. Кирилла (схиигумена Косьмы) Смирнова, воспитанника Валаамского монастыря. В пустынь о. Таврион приехал не один. С ним прибыла община люди, постоянно сопровождавшие его, в основном женщины пенсионного возраста, в большинстве монахини. К моменту приезда о. Тавриона пустынь находилась в состоянии запустения. Кирпичные постройки разрушались, число насельниц пустыни не превышало десяти человек, паломники крайне редко навещали обитель. Сам о. Таврион, тогда страдавший тяжелой формой стенокардии и двухсторонней грыжей вследствие общих работ на лесоповале в годы заключения, и монахини, приехавшие с ним, энергично взялись за ремонт обители. Сначала был отремонтирован храм, затем принялись подготавливать кельи и трапезную для паломников. Во всех работах о. Таврион принимал самое деятельное участие. Приезжали многочисленные духовные дети, постоянно помогали в

ремонте, их силами был создан второй хор.

С момента приезда о. Тавриона в пустыньке ежедневно совершалась Божественная литургия. Все свободное время посвящалось благоустройству обители. Буквально через год в обитель начали приезжать первые паломники. Для них уже были готовы кельи и трапезная, каждого радушно встречал духовник обители. Те, кто впервые приезжал в пустыньку, становились постоянными посетителями. Сестры и духовник обители были единой семьей, и в центре этой дружной, любящей семьи стоял Христос. Измученные, обездоленные, изверившиеся люди стекались со всей России. Страждущая Белоруссия, после двух Антониев лишившаяся более половины своих немногочисленных храмов, обездоленный Север, вымирающий Урал, Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия вот российские окраины, откуда в пустынь постоянно прибывали паломники. В летние месяцы число ежедневных причастников доходило до 150-200 человек. На Преображение, престольный праздник, литургия происходила вне храма, т.к. храм не мог вместить всех желающих.

Что же влекло людей в эту внешне ничем не примечательную, не имевшую славной истории (пустынь была основана сестрами Мансуровыми в 1889 г.) обитель? Существование открытой людям общины! Паломник, впервые приехавший в обитель, сразу направлялся на кухню, где его кормили, а затем устраивали на ночлег. Каждый ощущал себя в пустыньке долгожданным гостем. Входя в храм, он ощущал, как замирало сердце. Храм напоминал родной, давно утраченный родительский дом застеленные коврами полы, украшенный цветами в любое время года алтарь, чинность молящихся, их предупредительность и любовь друг к другу. Удивлял и клирос, вынесенный в храм, так что каждый, кто желал, мог присоединиться к певчим. Богослужение было обращено к людям. После чтения евангелия о. Таврион выходил на солею с русским переводом Евангелия, часто перечитывал по-русски и доходчиво толковал. Служил он с открытыми царскими вратами, вслух читал тайные молитвы. Когда начиналась литургия верных, оба клироса и паломники сходились пред царскими вратами. К причастию о. Таврион призывал всех. Когда приходило время отъезда, каждый мог рассчитывать на личную беседу с о. Таврионом. Его личная святость для многих была несомненной. Часто поражала его прозорливость на многие невысказанные, глубоко личные вопросы он умел отвечать на проповеди. В его окружении были и случайные люди, к которым он относился с большим вниманием, памятуя слова Христа, что не здоровые имеют нужду во врачах. Многие его воспитанники, ныне ставшие священниками, продолжают его дело. Он был тем светильником, около которого радовались люди, озаряемые светом Христовой любви. Его подвижническая, мученическая жизнь стала добрым семенем, которое уже приносит стократный плод.

Священник Георгий Кочетков: Приход, община, братство, церковь. (Об опыте жизни миссионерско-общинных приходов)

Церковная жизнь

Доклад на II «Преображенском соборе» в Москве 19 августа 1991 г.

Сегодня, слава Богу, мы имеем редкую возможность не спешить, потому что этого дня мы ждали год. Правда, некоторые вещи, в частности те, о которых пойдет речь, вынашиваются не один год и не два, и не три, а значительно больше.

Я хотел бы сейчас поделиться с вами своим опытом, который уже накопился за многие годы

моей катехизационной деятельности, и соображениями, возникшими также в ходе почти 15-летней дискуссии на тему отношений общины и прихода, братства, устройства церкви и вообще на экклезиологические темы. Сегодняшнее слово мы и назовем: «Приход, община, братство, церковь» как раз по теме нашего собрания.

Еще я бы очень хотел, чтобы вы воспринимали это не как теорию. Некоторые вещи будут звучать теоретически, но только внешне и вынужденно, потому что мы не можем развернуто говорить о всех деталях жизненных ситуаций, и их приходится обобщать. Но так как все вы приобщены к живой церковной жизни, то я надеюсь, все вы легко узнаете, что за чем стоит. По возможности буду краток, хотя знаю, что вам придется проявить некоторое терпение.

Итак, мне хотелось бы сказать о миссионерском и общинном приходе в Православной церкви как о некотором новом опыте жизни Церкви.

Я имею в виду приход собора Сретения Владимирской иконы Божией Матери бывшего Сретенского монастыря, и не только его, но и другие храмы, в которых, правда, только начинается церковная жизнь. Мы будем говорить сейчас о нашем соборе, потому что многое здесь выражено наиболее ярко и у нас меньше препятствий. Внешних, может быть, и больше, но внутренних пока, кажется, меньше.

Наш приход является едва ли не единственным в стране открыто миссионерским и общинным приходом, и это накладывает свой отпечаток на все стороны его жизни.

Но что же такое миссионерский и общинный приход? Как это качество изменяет приходскую жизнь, и каково здесь соотношение прихода, общины, братства и церкви?

Мне действительно посчастливилось участвовать в дискуссии на эту тему еще в 70-х годах, и уже тогда достаточно счастливо сложились обстоятельства, что мне удалось кое-что опубликовать по ней. Например, многие из вас уже читали в «Вестнике Р.Х.Д.» № 128, вышедшем в начале 1979 г., статью, опубликованную, правда, под псевдонимом Николай Герасимов: «Вхождение в Церковь и исповедание Церкви в церкви». Это большая статья, в которую, по совету одного из лучших наших проповедников и богословов, я вставил особую главу, в которой четко различаются и даже противопоставляются приход и община. Ведь неправильно думать, что христианская церковная община это просто хорошо организованный приход, состоящий из верующих людей, которые все делают на совесть, не предадут никого и ничего, которые бескорыстны и каждый на своем месте, и т.д. Если вы хотите подробно ознакомиться с этим вопросом, то рекомендую вам прочитать названную статью.

Далее в № 140 того же «Вестника Р.Х.Д.» в 1983 г. вышла в свет другая большая статья, уже под другим псевдонимом С.Т.Богданов (простите, не я давал себе псевдонимы, так что за них ответственности не несу): «Священство православных и баптистов», где идет разговор на подобную же тему, включая многие связанные с ней темы.

Во второй статье я уже не просто противопоставлял приход общине, не просто показывал, что это не одно и то же и что эти вещи в каких-то важных экклезиологических измерениях даже противоположные. Если из первой статьи как бы следовало, что приходская система должна чуть ли не полностью смениться общинной в силу очевидных преимуществ жизни общин в отличие от приходов, то позже мне стало ясно, что на этом ставить точку нельзя, иначе получится или некая утопия, или даже не вполне церковная вещь. Поэтому в «богдановской» статье я скорректировал прежнюю точку зрения, сделав следующий шаг, высказывая идею о том, что да, должна быть община, и Церковь внутри себя должна организовываться общинным, а не приходским образом, но вместе с тем как бы на окраинах ее, на «боевых» форпостах

Церкви должны быть приходы, открытые всем и вся.

Это значит, что в структуре Церкви должны оставаться как бы миссионерские (открытые) точки, потому что община вольно или невольно бывает только полуоткрыта. Она знает свое членство, она знает свои закрытые собрания, да, она мобильна, она почти не зависит от внешних обстоятельств, законодательства или иных политических обстоятельств и т.д. это правда, но в ней есть опасность некоторой замкнутости, потери связи между общинами, полноты католических связей. И если в древней Церкви были механизмы, институты установления и поддержания этих связей, то в нашей Церкви их давно уже нет, и, учитывая это, надо бояться разрыва общения. Мы не можем путать желаемое с действительным, и вот поэтому-то Церкви нужны и приходы, без чего полноты церковности пока быть не может.

Статья Богданова сразу же вызвала отклик о. Иоанна Мейендорфа. Уже в № 141 Вестника была помещена его «Заметка о Церкви», посвященная этой статье. Очень жаль, что сейчас здесь нет о. Иоанна (хотя он обещал быть). Было бы интересно теперь уже лично, а не через океан, продолжить нашу дискуссию. Если кто-нибудь из вас читал его отклик, то наверняка помнит, что была начата довольно острая дискуссия, которая, по-видимому, предполагала с моей стороны ответ и завершение. Болезнь и другие обстоятельства того времени не позволили мне этого сделать. Впрочем, я и сейчас думаю, что тогда о. Иоанн «из-за океана» что-то не рассмотрел (вот видите, автор всегда хочет оправдаться).

Публиковались и другие вещи, о которых сейчас я говорить подробно не буду, вплоть до статьи «Приходские общины в Православной церкви и потребности современного общества в СССР» в № 1 нашего журнала «Православная община». Она не совсем на ту же тему, но все-таки в большой степени питается от тех же корней.

Мне кажется, сейчас нужна также не просто корректировка, а продолжение и развитие того, что было написано тогда (только, кажется, нет нужды в псевдонимах, хотя кто знает...).

Так вот, сегодня хотелось бы действительно сделать еще один шаг вперед. Ведь теперь жизнь общин и приходов в значительно большей степени проверена опытом, в отличие от 70-х и первой половины 80-х годов. Она позволяет говорить о том, что сам приход может стать не только миссионерским, но и общинным.

Итак, что такое миссионерский и общинный приход? Понять жизнь нашего братства, наших общин и наших приходов невозможно, не ответив на этот вопрос, глубоко его не продумав.

Прежде всего, отметим, что более 90 процентов прихожан у нас _ это интеллигенция и молодежь, которые с детства не воспитывались в православной традиции. Они пришли к православной вере и в Церковь в зрелом возрасте и вполне самостоятельно, после чего почти все прошли полную катехизацию по системе катехизации взрослых, разработанной применительно к современным условиям. По этой системе ведется преподавание в нашей христианской школе, официально называемой Московской высшей православно-христианской школой, ныне входящей на правах полной внутренней автономии в Российский открытый университет.

Следует сказать несколько слов об этой школе, точнее, о ее I курсе, так как он как раз посвящен полной катехизации взрослых. Программа I курса соответствует трем этапам оглашения взрослых: первому и второму оглашению, т.е. предогласительному и огласительному этапам, и таинствоводству. Полное оглашение обычно начинается по исполнению 20 лет.

Начиная со второго этапа и до третьего этапа оглашения, все катехумены (оглашаемые, точнее, просвещаемые) регулярно бывают в храме и вникают во все богослужения для полноценного участия в них, кроме Литургии верных, с которой они уходят после возгласа «все оглашаемые, изыдите». Поэтому в нашем соборе особое внимание уделяется форме проведения традиционных уставных богослужений. Что это значит?

Как известно, нынешнее православное богослужение почти утратило все свои элементы, которые предназначались когда-то для неполных членов Церкви оглашаемых, просвещаемых, кающихся. Да и для полных членов Церкви, т.е. людей уже оглашенных, крещеных, причащающихся, богослужение остается во многом недоступным.

Дело здесь не только в малопонятном богослужебном языке, хотя эта проблема остается в нашей церкви одной из самых острых. К нашему времени богослужение сложилось таким образом, что если его и перевести на русский язык, даже не на разговорный, а высокий, оно все равно останется непонятным и, главное, почти бездейственным, хотя канонически почти всегда и действительным. Действенность же, жизненность богослужения его главная характеристика, если мы хотим оценить его силу и уровень, т.е. его духовные качества. Цель всех, совершающих богослужение, способствовать во всем его действенности, возможно более полному раскрытию его духа и смысла.

Понятность богослужения, конечно, играет тоже не последнюю роль. Поэтому во Владимирском соборе богослужения проходят из-за отсутствия удовлетворительных переводов если и не на русском языке, за исключением некоторых чтений, особенно из Священного писания, то на русифицированном славянском, т.е. с заменой всех трудновоспринимаемых на слух малопонятных древнеславянских слов и выражений.

В таких условиях и многое другое становится на свое место. Так, после прокимена на вечерне всегда, даже под воскресенье, читаются паримии из Ветхого завета, за которыми всегда следуют проповеди. Или, например, на литургии из анафоры естественно уходит позднейшая, XIV века, вставка с «молитвой третьего часа».

Каждение на Литургии совершается после, а не во время чтения Апостола на «аллилуиа» перед книгой Евангелия, после же преложения Святых Даров только перед ними, вокруг престола.

Все таинства совершаются только для верующих христиан, ибо всегда, как в древности, прямо связываются с Евхаристией и причастием, перестав тем самым быть частной требой, часто неизвестно для него. За совершение таинств не взимаются ни плата, ни добровольно-обязательные пожертвования. Вы помните, что мы таинства Брака и Крещения совершаем в прямой связи с Евхаристией, у нас нет «проходных», требных венчаний и крещений. И очень важно то, что венчание совершается по древнему чину, во время Литургии, после чего сразу следует причастие новобрачных. А Крещение, если это Крещение взрослых, всегда совершается после полной катехизации, а если младенцев, то после катехизации (полной или не совсем полной) их родителей и крестных.

Все это позволяет и в современном храмовом богослужении осуществлять древние святоотеческие принципы духовной и церковной жизни_ обновление без обновленчества, простота без упрощенчества. А это, в свою очередь, приносит в нашу жизнь стремление актуализировать многие древние слои церковного предания, а не ориентироваться только на какой-то один из них, устранить магическое отношение к богослужению и таинствам, отменить суеверия, верно оценить и поставить на свои места более и менее важные вещи в православном богослужении, а значит_ глубже «вникать в себя и в учение», больше знать и ценить

общехристианский духовный опыт, полнее отвечать за всю нашу Церковь и за конкретных, стоящих в этом же храме братьев и сестер.

Выражается это, в частности, в быстрой организации на приходе церковных учреждений. Вы помните, как мы быстро начали богослужения практически сразу. Так же было и в Электроуглях буквально через несколько дней после передачи нам подвального помещения. Спустя два месяца организовали воскресную школу более чем со 120 учащимися, библиотеку прихода и братства. На приходе есть отделения общецерковного и московского православно-молодежного движения, скаутинга. Журнал «Православная община» в большой степени издается силами нашего прихода. С сентября 1990 г. существует также межприходское просветительно-благотворительное братство «Сретение». А среди прихожан, полных членов Церкви, верных, рождаются духовные семьи-общины.

Что же такое общинный приход? Мне кажется, что то, что я сейчас говорил о катехизации и об особенностях нашего богослужения, в основном соответствует характеристике миссионерского прихода, а вот что такое общинный приход давайте поговорим. Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к проблеме помощи новопросвещенным взрослым христианам в устройстве их внутренней и внешней церковной жизни.

Эти новопросвещенные, или, как их в древности называли, «младенцы во Христе», сразу после своего Крещения или воцерковления через таинства Покаяния или Миропомазания входят в евхаристическое собрание Церкви, на котором и причащаются. Далее начинается их «светлая седмица», когда они сослужат на Евхаристии в качестве «царей и священников Бога Живого», подобно тому, как после рукоположения новопоставленный служитель Церкви неделю проходит ежедневное служение в новом сане. Так же ежедневно новопросвещенные в течение недели не только слушают таинствоводственные беседы по программе третьего этапа оглашения, изначально изъясняющие все таинства и все догматы Церкви, главные принципы христианской аскетики, антропологии и мистики типа Иисусовой молитвы, не только открывают для себя новые страницы Священного писания и другие книги, осваивают по Молитвослову церковный опыт личной молитвы, но и ежедневно причащаются, причем, если совесть их не осуждает, без исповеди и даже без разрешительной молитвы в течение этих семи дней.

Последнее правило распространяется пока только на «светлую седмицу» или дни, когда, например, из-за совпадения праздников Литургия совершается два дня подряд, а человек до этого причащался еженедельно или почти еженедельно и хорошо знаком пастырю. Если взрослый христианин в Церкви живет интенсивной духовной жизнью 3-5 лет, он тоже может получить благословение на регулярное причащение без исповеди на каждой Литургии, т.е. исповедь по мере необходимости, по свидетельству своей христианской совести.

После «светлой седмицы», такой, как мы ее описали, взрослые новопросвещенные становятся полными членами Церкви. Став же полными членами, получив личный Дар Святого Духа, христиане, по примеру Господа нашего Иисуса Христа, идут на некоторое время в так называемую «пустыню», чтобы, лично познав и безблагодатные состояния, научиться отвергать ложные пути спасения как искушения от дьявола и подготовиться к самостоятельной церковной жизни и несению посильного служения в Церкви с большой буквы, которая не тождественна церкви с малой буквы, т.е. прежде всего той или иной церковной организации. Люди часто путают эти понятия, когда свое желание служить Церкви Божьей во Христе и Святом Духе обращают исключительно на церковную институцию, бросая все и вся в своей жизни, идя в дворники, сторожа и т.д.

Во время «пустыни» (а лучшей пустыни, чем Москва, и придумать нельзя) нет встреч

катехизировавшейся группы с ее катехизаторами. Поэтому группа, после выхода из «пустыни», длящейся 1,5–2 месяца с момента окончания своего оглашения, в полноте познает ценность общения друг с другом и со старшими в Церкви и, за исключением самоопределяющихся членов, которых обычно немного, не желает расходиться и держится вместе, именно как церковный кружок или группа. Ее члены начинают регулярно встречаться для чтения и осмысления применительно к современной жизни Евангелия или Посланий апостолов, а также для совместной молитвы как по Часослову, так и друг за друга «своими словами», или для проповеди друг другу на актуальные для всех темы. Вначале ими может руководить кто-либо из старших братьев, в том числе крестных, а со временем руководители появляются и в самой группе. Кроме того, в среднем один раз в два месяца группа в полном составе встречается для трапезы любви агапы после совместного служения и причащения на Евхаристии. Агапа не имеет своего обязательного чина, но всегда проводится кем-то из старших братьев.

Со временем группа духовно укрепляется и духовно растет (численность ее не бывает больше 20–30 человек) и, если Бог благословит, становится церковной общиной, в которой уже все свободно берут ответственность за всех ее членов. Это становление церковной группы в церковную общину скорее походит на некое духовное рождение по дару Духа Святого.

Новорожденная община, или духовная семья, будучи внутренне церковной, сама еще не может быть названа Церковью, ибо является неполной, поскольку в ней не совершаются таинства (примерные принципы жизни семьи-общины можно прочитать в № 1 нашего журнала «Православная община» за 1991 г.). Однако стремление к полноте, к таинственному исполнению семьи-общины явление нормальное. Правда, в отличие от всей Церкви семья-община устраивается не иерархично, в ней есть только единодушно избираемый каждый год всеми полными ее членами глава, по своему положению подобный любому главе семьи по плоти. Но ничто, в принципе, не мешает рекомендовать достойного главу семьи-общины на рукоположение в пресвитеры.

Вот здесь-то и возникает вопрос о соотношении общины с приходом как с частью иерархически организованной церкви, а также их обоих с братством и с самой этой церковью.

Любая духовная семья-община, объединившись с другими подобными семьями-общинами, не отрицая существующих церковных структур и традиций, может иметь как бы «свой» приход, который и станет тогда общинным. Этот приход, как и все, открыт для всех в мире и в церкви. Но в нем другое внутреннее устройство, ибо он поддерживает и его поддерживает некое число братских семей-общин, которые могут нести ответственность за внутрицерковную жизнь и, значит, могут самостоятельно решать многие внутриприходские вопросы.

Вот это существенно. Вы знаете, что сейчас ни один ответственный церковный деятель не даст приходу решать какие бы то ни было серьезные вопросы. И совершенно не случайно. Это не просто бюрократический принцип все решается лишь сверху, а снизу ничего. Увы, сейчас нет базы для этого в церкви на обычных приходах. А вот общинный приход такую базу имеет, и поэтому действительно есть внутренняя потребность и возможность в принципе решать важные внутриприходские вопросы самостоятельно.

Например, это вопросы своих, не противоречащих Православию, богослужебных традиций, своего литургического опыта и строя, церковного календаря, лекционария и синаксария, т.е. порядка и состава богослужебных чтений из Священного писания, святоотеческих писаний и житий, и т. д. вопросы расписания церковных служб и вообще реализации в жизни прихода «богословия времени». (Вы помните, что это такое, все читали о. А.Шмемана. Это сочетание во времени служб суточного, седмичного и годового круга.) Далее, это вопросы выбора священнослужителей с представлением их священноначалию для утверждения и

рукоположения, приема гостей прихода, достойного представительства прихода в церкви и для внешних, исправления тяжко согрешивших и находящихся под епитимьей, помощи больным, немощным и отсутствующим, находящимся в армии, заключении, на служении. Это катехизационные, финансово-экономические, издательские вопросы и т.д. Впрочем, эта свобода не должна противоречить тому, чтобы на все получать благословение своего епископа, а если надо, то и Патриарха, и Синода или Собора.

Члены семей-общин, поддерживающих свой общинный приход, первые кандидаты в члены его Приходского собрания, которое при желании могло бы очень быстро сравняться или конкретно соотнестись с Общеприходским собранием, для чего остается только восстановить на приходе фиксированное членство и списки (диптихи), а без этого невозможно даже начинать всерьез говорить о соотношении видимых и невидимых границ Церкви.

Вопрос о приходских диптихах вообще давно созрел, и надо, видимо, от слов переходить к делу. Мы предполагаем в самом скором времени, по благословению Патриархом, объявить об условиях записи в члены нашего прихода, что, наверное, можно рекомендовать делать и другим братским приходам. Не буду сейчас уточнять, ибо пока это только мои мысли, предположения.

В общинном приходе каждая семья-община не только поддержка для него, но и живая клеточка приходского и общецерковного организма, которая может стать и своего рода отделением прихода. Вот это самое важное. Действительно, с одной стороны, семья-община должна поддерживать свой приход, а с другой она же клеточка того духовного организма Церкви, который на нынешнем этапе истории существует в приходском общецерковном теле. И вот тогда каждая община может стать как бы отделением прихода. Например, если приход поддерживает 2, 3... 10 или более общин в зависимости от того, какой это храм и приход и какие там приходские возможности и нужды, то он может иметь столько же своих отделений или филиалов.

Это значит, что всякая община может иметь своей главой рукоположенного пресвитера, полноправно входящего пусть не в штат, но в клир своего прихода. Ведь возможны и нештатные клирики. Западный опыт прекрасно это показывает. Там же многие клирики не получают на приходе ничего, они работают профессорами, учителями, так или иначе ведут какую-то обычно гуманитарную деятельность, но собственно в штат не входят. А если община будет иметь такого рукоположенного главу, то она сможет иногда совершать и у себя Евхаристию, например перед общинной агапой или совершать Крещение и Миропомазание своих новых членов из оглашаемых этой же общиной, или принимать покаяние своих членов, совершать их венчание, соборование и т.д. Оформление и обустройство этих мистериальных и других духовных церковных актов вопрос особый. Так, каждая семья-община могла бы иметь для этих целей свою часовню или домовый храм, как это бывало во многих состоятельных домах до революции. Это, кроме приходского центра, приходского собора, на случай нужды.

Семьи-общины, конечно же, могут чувствовать глубокую общность своей жизни, и поэтому многие их члены уже сейчас ощущают себя членами того или иного неформального межобщинного и межприходского братства. Оно-то у нас и называется Преображенским. С одной стороны, Преображенское братство может поддерживать свои учреждения, как, например, наше официально зарегистрированное просветительно-благотворительное братство «Сретение» или еще какое-нибудь братство, типа ордена духовных ревнителей Православия, с другой же стороны, оно само поддерживается ими.

Наше Преображенское братство, уже второй раз собравшееся на праздник Преображения Господня, родилось не по плану и не было никем и никак организовано. Я бы хотел сказать это

в первую очередь тем, кто об этом не знает, кто в прошлом году на такой встрече в день Преображения не был. Впервые наше неформальное братство выявилось на проходившем в г. Электроугли в прошлом году общем собрании катехизаторов, прошедших по нашей системе оглашение, а также других наших друзей. Тогда на два дня собралось несколько сот человек, в том числе из других городов, и на праздник причащалось более 250 человек. Литургия совершалась под открытым небом в специально устроенной часовне за храмом (об этом мы тоже писали, и вы могли прочесть это в № 2 «Православной общины»). Вы помните, какой был храм там были сплошные дыры, не было ни окон, ни дверей, ни потолков, а наш подвальчик, в котором мы обычно совершали Литургию, никак не мог вместить всех желающих.

Подводя итоги прошлого года нашей совместной христианской жизни, хочется надеяться, что миссионерскому и общинному приходу Владимирского собора удалось чего-то достичь и в количественном, и в чисто духовном плане. Приход значительно вырос, и в первую очередь за счет новокрещеных в нем людей. Его члены чувствуют себя не «чужими и пришельцами, но своими Богу» в Его доме храме. Нет взаимного недоверия, обрядоведения и других подобных, еще типичных в нашей церкви грехов. Нет отчуждения алтаря от храма, клира от народа, народа от хора, одних прихожан от других. Есть открытость друг другу и всем приходящим, что не отменяет в необходимых случаях строгости и дисциплины.

Вы помните, как посещавшие нас известные профессора-богословы и церковные деятели отзывались о том, что делается в нашем храме. Вы помните отзывы С.С.Аверинцева, Оливье Клемана, Д.Поспеловского, о. Иоанна Мейендорфа, о. Александра Киселева, о. Михаила Евдокимова, шеветоньских монахов во главе с наместником о. Антонием, руководителей костромского и московского епархиальных духовных училищ, а также других отцов и братьев. На днях мы рады были принимать и о. Кирилла (Сахарова), а сегодня рады приветствовать еще и о. Виталия Борового, о. Иннокентия (Павлова), о. Сергия Широкова, о. Павла Вишневого, о. Василия Ковалева и других гостей, в том числе из трех стран. За эти 8 месяцев у нас были около двух десятков клириков, которые сослужили или присутствовали на богослужении, и ни одного случая непонимания, принципиального расхождения пока, слава Богу, не было.

Конечно, это только начало пути, впереди еще много трудностей и проблем разного порядка. Предстоит дальнейшая борьба за освобождение храма и за приходские помещения, за устройство рядом стоящего храма Успения Богородицы в Печатниках, за обретение полного доверия и признания со стороны всей церкви, распространение нашего опыта на другие храмы, которые также, может быть, пожелают быть миссионерскими и общинными.

Надо еще долго учиться, вникать во все тонкости и во всю толщу полноты православного предания, узнавать Божью Истину и Правду в любых, даже непривычных формах, ценить «единство духа в союзе мира» при внешнем многообразии форм духовной и церковной жизни, уметь выявлять для себя и другую живую жизнь Церкви, чтобы Православие не только потенциально, но и реально, актуально могло быть отождествлено не просто с какой-либо одной, пусть для кого-то и лучшей христианской конфессией, а с полнотой Христианства с большой буквы. Для этого нам и нашей церкви надо научиться проводить реформы без реформации, обновление без обновленчества и достигать простоты во Христе без упрощенчества.

Как бы хотелось закончить свое слово на этой высокой ноте, но представляется, что необходимо еще хотя бы кратко взглянуть на наш новый опыт как с позиций подобного же опыта, но накопленного в других церквах, так и с точки зрения тех уже актуальных для нас опасностей, проблем и задач, которые он ставит.

Хотя опыт наших семей-общин оригинален и даже уникален, однако, типологически он,

конечно, близок уже довольно богатому опыту церковной жизни в малых общинах и группах, известных в церкви с древних времен, но особо развитому в доконстантиновскую и нашу, послеконстантиновскую, церковные эпохи. Протестантство и католицизм несколько обогнали нас в распространении и обобщении положительных сторон этого опыта. Они же старались выявить и преодолеть связанные с этой деятельностью опасности и искушения недостаточную внутреннюю и внешнюю церковность, закрытость, сектантство, превозношение над другими, элитарность, гиперкритицизм в отношении церковных центров, разрыв с полнотой традиционных для данной церкви связей, иногда национализм и гиперэсхатологизм и т.д.

Недавно я открыл наугад нью-йоркский православный журнал «Путь» № 4 за 1984 г., изданный о. Михаилом Меерсоном-Аксеновым, и нашел примечательную заметку, которая, на мой взгляд, является хорошим примером подобной инославной работы. Там говорится о малых христианских общинах в связи с вышедшим тогда посланием испанского католического епископата, которое называлось «Пастырское служение малых христианских общин».

Православный автор заметки пишет: "Возникновение малых общин из мирян, которые собираются небольшими группами в частных домах для совместной молитвы, чтения Библии и взаимопомощи, это движение, охватившее Католическую церковь II Ватиканского собора. В основе этого движения лежит необходимость усиления христианского самосознания, понимание того, что проповедь Евангелия и жизнь по Евангелию это долг не только духовенства, но и каждого христианина, а также желание преодолеть безличность и формализм церковной жизни в огромных городских приходах, где каждое воскресенье собираются тысячи человек, не знающих друг друга и не встречающихся никогда вне воскресного богослужения.

Небольшие христианские общины, не более десятка человек, стремились к возрождению общинного духа «древней Церкви, о котором говорится в книге Деяний апостольских. За 20 лет это движение охватило многие страны...» Документ испанского епископата анализирует состояние домашних христианских общин в своей стране: «В Испании _ 5 тысяч малых христианских общин. Они в основном находятся в городах, пишется далее в этой заметке, около половины их членов рабочие и служащие, 49% мелкие и средние предприниматели, 6% _ университетские студенты и т.д.»

Вы чувствуете большую разницу, не так ли? Я специально привожу весь этот материал, потому что некоторые по внешним признакам начинают отождествлять наши общины с движением этих базовых католических общин, что не вполне верно, если не сказать больше.

Далее в заметке говорится: «Эти общины недолговечны, они редко существуют более 10 лет, что объясняется большой мобильностью населения в современном городе. Какова цель этих общин? Для одних основное это богословское самообразование, другие считают, что главное это проповедь Евангелия неверующим, свидетельство о Христе в современном мире, третьи ищут даров Святого Духа, называют себя харизматическими общинами, четвертые видят свою цель в практике евангельской любви, в практическом осуществлении Христовых заповедей».

Как видите, все это нам довольно близко, хотя вряд ли мы расчленили бы так смысл и цели наших общин. Документ испанских епископов дает оценку этим общинам, что тоже интересно, хотя опять же не тождественно нашему опыту. В нем говорится, что среди положительных сторон общин епископы выделяют атмосферу христианской зрелости и самостоятельности, а также то, что молодежи в этих общинах можно легче осуществить свое стремление изменить мир вокруг себя, и то, что общинная жизнь помогает налаживанию личных отношений, реализации творческих потенций и более полному развитию личности каждого члена общины.

Среди опасностей общинной жизни епископы называют: нетерпение, непостоянство, дух критики по отношению к иерархии, опасность отпадения в сектантство или сведения христианства для одних к чистому спиритуализму, для других к социально-политической деятельности.

Мы с вами также знаем эти опасности, правда, они часто нам представляются именно специфически католическими. Как правило, мы стоим несколько на расстоянии от католического опыта, западного опыта общинной жизни именно по этой причине. Но здесь есть о чем подумать и каждому из нас.

В этой связи очень важен нам был бы и православный опыт, начиная с опыта нашей церкви в первую половину XX века, а также тех церквей, которые в течение длительного периода живут преимущественно в неправославной среде, что требует от них миссионерского настроения и напряжения, а также вынуждает приходы жить малыми группами с теми или иными общинными элементами. К сожалению, нам он мало знаком. Впрочем, многим известен опыт митрополита Антония (Блума) и его епархии. Например, служение Евхаристии в домах больных. Помните, как он говорил, что служил Евхаристию на швейной машинке. Он боялся, что это будет шокировать здешний народ, но тем не менее об этом говорил. Далее, из опыта его епархии выбор кандидатов в пресвитеры приходом, братство-орден, постоянная миссионерская и катехизаторская деятельность приходов, принимающих в себя новых членов, немногочисленность приходов и другие элементы общинности и ответственности друг за друга.

Есть много ценного в опыте Православной церкви во Франции. Велик духовно-богословский, экклезиологический и культурный опыт Свято-Сергиевского института в Париже, профессора Оливье Клемана, литургический опыт приходов о. Бориса Бобринского, о. Николая Ребиндера и о. Михаила Евдокимова, огромен опыт, накопленный «Вестником Р.Х.Д.», возглавляемым Н.А.Струве, и т.д.

Конечно, нельзя обойти молчанием опыт Америки: сразу вспоминаются имена архиепископа Иоанна (Шаховского), писавшего о «белом иночестве» и предупреждавшего против «сектантства в православии» и смевшего находить «православие в сектантстве», и приснопамятного протопресвитера Александра Шмемана, нового проповедника Православия в Америке, глубоко вникавшего в литургическое и огласительное предания Церкви и много сделавшего для его воспоминания, осмысления и переосмысления с позиций современной церковной жизни. Хочется назвать имена и ныне живущих православных деятелей, особенно профессоров Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке, возглавляемой о. Иоанном Мейендорфом.

Интересен подобный опыт, отраженный в книге архиепископа Финляндского Павла «Как мы веруем», опыт деятельности Синдесмоса, РСХД, зарубежных православных братств и т.д. Очень жаль, что, с одной стороны, мы мало знаем об этом опыте, знаем отрывочно, а с другой как всегда, у нас нет времени об этом говорить более подробно.

В связи с вышесказанным можно попытаться осознать наше современное положение и ближайшие задачи наших общин и приходов, нашего братства и нашей церкви.

1. Семьи-общины

Каждой семье-общине желательно, на мой взгляд, найти в своем окружении такого главу, который в единстве со своим настоятелем, епископом и всем церковным народом, особенно на приходе, мог бы стать рукоположенным пресвитером. Если бы он как старший и ответственный руководитель семьи по домам совершал Евхаристию с последующими агапами, то, может быть,

естественным образом тогда изменился бы и упростился чин Литургии, и все члены семьи-общины могли реально участвовать в ней в полноте своих духовных и душевных даров. Это может быть только Литургия верных, а могут быть и синаксарные богослужения, но все как Бог даст и как примет Церковь.

Чтобы найти себе главу, каждая группа уже оглашенных, а тем более уже существующие семьи-общины должны быть духовно открытыми и должны найти в себе силы родиться в качестве семей-общин, и далее существовать без специального «натаскивания» со стороны старших братьев братства и нашей христианской школы. Им требуется выделять лишь один вечер в неделю для общих, в том числе межобщинных и межприходских встреч, а также время для совместных служений в соответствии со своим даром. Агапа и семейные советы должны проходить как «литургия после Литургии», с соответствующей ответственностью за эти встречи, которая, как многие из вас знают, не всегда присутствует в жизни.

2. Общинные приходы

У всех должно быть смиренное сознание себя полными членами не только своих семей-общин, но и конкретного, желательно общинного прихода, с полнотой личной ответственности за его жизнь и деятельность.

Наверное, многие сталкивались уже с большой трудностью этого положения. Когда привыкаешь считать себя членом общины, нелегко бывает «привязать» себя к какому-то конкретному приходу, почувствовать себя полным его членом, при этом оставаясь полным членом своей общины. Многим оказывается довольно трудно сознавать и чувствовать, что они до сих пор не могут найти разрешения тех противоречий, которые возникают в связи с этим.

Далее, переход в другой приход должен происходить, на мой взгляд, только с благословения настоятеля, как и длительное причащение в другом приходе членов семей-общин, поддерживающих данный общинный приход.

Проповедь и катехизация, может быть, также и дальнейшее среднее духовное образование, должны быть организованы на уровне общинного прихода (для членов прихода) или братства (для членов братства) с помощью нашей Высшей православно-христианской школы. На этом же уровне должны развиваться и другие служения, особенно диакония всякого рода.

Приходские храмы могли бы стать как местом встреч и общения, в том числе евхаристического, нескольких общин, так и местом совместной духовно-нравственной и культурной деятельности, в том числе профессиональной.

Общинные приходы могли бы стать и гарантом связи семей-общин и их членов со всей церковью и ее иерархией. Но в каждом из них также надо скорее решить вопрос о членстве в приходе и диптихах. Желательно, чтобы именно в своем общинном приходе служили в качестве пресвитеров, т.е. представителей церковной иерархии, все главы поддерживающих этот приход семей-общин. Это, конечно, лишь некоторая перспектива, но эта идея представляется очень естественной, хотя и не получившей еще полной апробации и рецепции в жизни.

3. Общинное братство

Как наш приход не просто приход, а общинно-миссионерский приход, так и наше братство не просто братство, а общинное братство. Поэтому оно также должно соединять и поддерживать семьи-общины и общинные приходы, а также организовывать межобщинные и межприходские

служения и, как мы уже говорили, осуществлять вместе с общинными приходами связи с другими церковными приходами, общинами и церковной иерархией. Оно же смогло бы соединить все семьи-общины и общинные приходы, создав своего рода иноческие (что не значит обязательно монашеско-монастырские) союзы.

4. Церковь

Церковь как приходская и епархиальная иерархическая структура, на мой взгляд, должна узнать новые пути в своей жизни, в том числе и типа описанных нами, и по рассуждению довериться им, если не желает стать большой конфессиональной сектой и, превратившись в национально-музейное гетто, оттолкнуть в потенции свой же народ. Пока он не отказал ей в доверии, но это уже намечается в нашей стране. Увы, намечается уже сейчас. Да, еще не успел народ покаяться и войти в Церковь, как он уже готов отказать церкви в доверии. Мы не должны жить в розовых очках, мы должны видеть действительные, реальные процессы, происходящие в нашей стране. Тем более что есть силы, вполне сознательно ведущие народ к такому результату, ускоряющие его. Впрочем, церковь, конечно, вправе поддерживать и иные формы и пути внутри себя.

Таким образом, сейчас всем надо приложить максимум усилий, чтобы в наше время в нашей церкви традиционная иерархическая епархиально-приходская система встала на свое место, чтобы тем самым она смогла выполнять и новые функции, в том числе установления связей между духовными семьями-общинами, чтобы эти семьи-общины не отрывались от нее и не вырождались в тайные или явные секты. Только тогда снимется пока еще неизбежное напряжение между нашими обычными приходами, поддерживаемыми существующей общей иерархической системой, с одной стороны, и общинными приходами, семьями-общинами и общинными братствами, с другой.

Вот и все, что я хотел вам сегодня сказать. Конечно, получилось довольно много. Главное, что мне представляется важным сейчас довести до всего нашего братского собрания идею о возможной органической связи традиционно существующей системы с тем, что ныне нами осуществляется и чувствуется как воля Божия в нашей Церкви.

Мы не можем требовать от других того же ощущения, тех же действий, ибо это было бы давлением и значит деянием нецерковным, но показывать пример мы не только можем, но и обязаны. И пример этот должен быть качественным, а не только внешним, так как ни в чем не должно быть показухи.

Итак, не забудем, что существует проблема единства миссионерско-общинного движения с церковью, о чем я и говорил, однако есть возможность осуществить такую связь именно в наших современных условиях без каких бы то ни было разрушительных для церкви конфликтов. Я же очень боюсь, что иногда, увлекшись очевидными преимуществами общинной жизни, некоторые члены нашего братства уже с трудом будут воспринимать всю приходскую систему, а об иерархической вообще забудут, ибо ее не знают и слышать о ней не очень хотят.

Конечно, им легко было бы сослаться на других членов церкви, которые ведут себя так же, ведь большинство прихожан обычных приходов действительно ничего не знают и знать не хотят об этой иерархическо-приходской системе церкви, кроме некоторых сугубо церковных деятелей, которые непосредственно работают в храмах, епархиях и т.д. Но это уход от вопроса, а не решение его.

Таким образом, осуществляя церковную преемственность, надо думать о том, чтобы «исполнялась» в жизни та полнота, которая делает нашу церковь православной. Ибо наша

церковь не потому православная, что отличается от других по каким-то внешним признакам, а потому, что именно она дает возможность, живую возможность каждому своему члену приобщиться к полноте христианской жизни.

Так надо и приобщаться к ней, но не разрывать ее, ибо всегда найдутся желающие говорить «я Апполосов, я Кифин», я такой-то, а ты, соответственно, другой, и значит чужой.

Дорогие братья и сестры, это все я хотел вынести на ваш суд и обсуждение. В связи с этим нам очень интересно услышать мнение наших отцов и гостей, людей, которые, может быть, и не живут общинной жизнью так, как мы, но которые, естественно, обладают достаточным духовным опытом, чтобы иметь по этому поводу компетентное суждение. Думаю, и у нас еще хватит сил и терпения и опыта, чтобы выслушать сегодня выступления всех желающих.

<o:p></o:p>

: Письмо из заключения

Дневники, письма, воспоминания

В 1990 г. неведомыми для нас путями в наше учреждение попало Евангелие. Юрий Б., прочитав его, как я теперь понимаю, был пронизан Божьим словом и не мог удержать этого в себе, и в один из дней поделился со мной своими переживаниями. Я никогда не забуду его лица, светившегося Божьей благодатью, которую он стяжал из этого чтения.

О святой книге Евангелия я слышал еще в 14 лет от своей бабушки. И всю жизнь в душе мечтал о ней. Тогда мне казалось, что если я ее прочту, то стану волшебником, которому возможно все. Поэтому сразу же я попросил ее у Юры почитать. В то время я работал в ночную смену. Начав читать эту святую книгу, я увидел в ней начало всех начал, свое лицо и истинный чистый путь, ведущий ко спасению, открытому каждому по милости и человеколюбию Богом. Мы читали не отрываясь и днем и ночью, в любую свободную минуту. Днем, немного отдохнув от ночной работы, мы собирались с Юрой и анализировали прочитанное. Мы уже тогда понимали, что нужно идти открывшимся нам путем. Это чувство было необычным и необъяснимым и явно исходило свыше.

Так как книга была взята для чтения на время, ее пришлось вернуть. Мы очень сожалели об этом. Но Бог увидел нашу нужду и послал нам еще одну книгу «Нового Завета» через Владимира П., которую мы также попросили у него почитать. Но в один из дней после ночной смены я обнаружил, что книги в кармане не было. Мне казалось, что вместе с книгой я потерял и Бога и тем самым лишился спасения. Горе было двойным, так как книгу нужно было возвращать владельцу. Пришлось писать родственникам и объяснять им сложившуюся ситуацию.

Как я теперь понимаю, книги попали к нам по Божьему Промыслу, к Богу обратился еще один человек, Владимир Д-в, нашедший утерянную мной книгу в машине по дороге к лагерю. Через некоторое время Юрий чудным образом остановился в разговоре со знакомым Вам А.И.С. и узнал, что у него есть Библия и что он верует в Бога. Мы решили собраться единодушно вместе и поговорить. На встрече мы решили каждый вечер совместно читать Евангелие и обсуждать пути спасения. В тот день была вознесена к Богу общая молитва, мы еще стеснялись друг друга, чувствовали себя неуверенно. Через некоторое время по воле Божьей нас посетили два брата

во Христе, которые узнали о нашей общине и нашей огромной нужде в духовном просвещении. Они привезли иконы и наставления святых отцов.

Было решено официально зарегистрировать нашу общину. С этим мы обратились к нашему начальнику Е.И.М-у, он одобрил нашу идею и впоследствии стал нам первым помощником. Мы даже получили отдельное помещение. По нашей просьбе в лагерь приехал о. Владимир Цветков. В тот день радости нашей не было предела, так как духовный опыт и душевная чистота о. Владимира коснулись наших сердец, и они загорелись ревностью подвижничества.

В следующий приезд о. Владимира мы подняли вопрос о построении храма, получили его благословение. И сразу же приступили к делу. К этому времени Бог послал в общину знающего плотницкое и столярное дело Евгения М., который в основном и занимался постройкой иконостаса, спроектированного для нас в Духовной Академии С.-Петербурга.

Каждый день, который Бог давал нам для служения Ему, начинался с молитвы и был насыщен Божьей энергией и благословением. Нам приходилось проповедовать слово Божье людям, выполнять положенную работу в лагере, кроме того, искать стройматериал, что удавалось с большим трудом, и многое другое, что достается крайне тяжело в условиях заключения.

Через неприятности, скорби иконостас возрастал и подбодрял нас. И когда он был почти готов, нам было послано испытание. В лагере открылся кооператив, ему понадобилось помещение, и самым подходящим для этого оказался наш храм, который мы построили своими руками и которым мы жили. Когда нам сообщили об этом, солнце для нас померкло, это был большой удар для жизни общины. Мы долго сидели молча и потом по Божьему откровению, очнувшись, вспомнили, что мы христиане, а христиане всегда были гонимы. Мы поняли, что стоим на верном пути, и решили любыми путями отстаивать помещение храма. Е.И. всячески старался нам помочь. Но вопрос долгое время оставался нерешенным. Жизнь общины осложнилась еще больше лагерь был переведен на строгий режим, в этап попали наши братья Юрий, Виктор, Дмитрий. Это была тяжелая потеря для общины, так как они были людьми первой закалки и ревностными подвижниками.

Но в один из дней нас вызвал к себе Е.И. и сообщил, что выделяет для общины отдельное от отрядов большое помещение, где под одной крышей будут располагаться и храм, и трапезная, и спальная комната. Радости нашей не было предела.

Тяжело было рушить свой прежний труд, но мы делали это с любовью. Правда, иконостас в прежнем проекте уже не вписывался в новое помещение и пришлось подгонять его под условия нового.

За все это время по нашей вере и нашим молитвам Богом было совершено множество чудес. Было много и скорбей для нашего вразумления и спасения.

По Божьей милости мы регулярно причащаемся Святых Таин у о. Владимира. Им было много крещено людей, совершались службы водосвятия, соборования. Одним словом, жизнь общины, которая существует чуть больше года, наполнена столькими событиями, что можно написать целую книгу.

О нашей общине знают во многих других лагерях, в монастырях и приходах, а также за пределами страны. Мы чувствуем их поддержку и благодарим Бога в своих молитвах за Его любовь и милосердие к нам грешным и просим также у Него спасения для всех благодетелей наших.

И вот на днях, 23 августа 1991 г., свершился праздник, которого мы так долго ждали и шли к нему. С о. Владимиром приехал хор в 15 человек, и в нашем храме была совершена первая Божественная Литургия. Той радости, которая горит до сих пор в наших сердцах, просто не передать. Служба длилась около 5 часов: литургия, водосвятие, молебен об усопших. Все время на службе я не понимал, где нахожусь на земле или на небе. До сих пор в храме как будто все пропитано Святым Духом. Как только заходишь в него, растворяешься в нем и забываешь о земном, сознаешь себя ничтожеством в этом святом, предоставленном нам Богом месте.

Женщины из хора говорили, что они ощущали такую же благодать, как и в монастырях Печерском и в Дивеевском на перенесении мощей преподобного Серафима Саровского, где им приходилось быть.

Особенно нам хочется поблагодарить о. Владимира Цветкова, который все свои силы, душу и сердце отдает делу, к которому его избрал Бог. Его стараниями получают духовное окормление верующие не только из нашего лагеря, но и в других местах заключения: в Колпино, Яблоневке и Саблино, где также был открыт храм. Мы очень бы хотели, чтобы наш храм был освящен в честь Анастасии-Узорешительницы.

Мы с братом верим и надеемся, что если так случится и нас переведут в другое место, то мы и там постараемся во славу Божию просветить людей, и там вознесется под небеса знамение нашего спасения, которое будет видно с воли.

На этом позвольте закончить наше письмо и пожелать Вам Божьей помощи в Вашем добром и благом деле.

Испрашивающие Ваших святых молитв и поручающие себя Вашим святым молитвам Олег и Игорь.

26.09.91

Священник Георгий Кочетков: Книга о. Серафима Роуза «Православие и религия грядущего»

Экуменический и нехристианский опыт

По прочтении книги о. Серафима Роуза «Православие и религия грядущего» Fr. Seraphim Rose. Orthodoxy and the Religion of the Future. S-t Herman Press.> сразу можно было предвидеть две противоположные реакции со стороны православных христиан, которые и на самом деле теперь стали очевидны.

Одни принимают все, сказанное им, на веру и все оценки автора ставят в ряду фактов, которыми столь насыщена его работа, в результате чего ужасаются от видения того, в каком духовном неблагополучии находится весь мир, христианство, они сами и даже православие, теряющее в лице некоторых своих «представителей» не только дар, но и стремление «различать духи, от Бога ли они».

Другие же, может быть, более искушенные, наоборот, весьма скептически относятся не только к оценкам о. Серафима, но и к самим апокалиптически представленным им фактам. Они считают, что это все неглубокая публицистика и почти «изуверская» апологетика, что его работа не богословская и в своих оценках очень односторонняя, — не случайно же автор книги убежденный карловчанин, а не только член так называемой «Русской зарубежной церкви», история и современная позиция которой хорошо известны с точки зрения православного канонического и даже догматического (подразумевается ее еkkлезиологическое учение о роли монарха) предания. Они говорят далее, что церковно-богословская позиция о. Серафима не может быть названа иначе, как «конфессионализм», проникнутый не просто убеждением в том, что Православная Церковь — Церковь Христова, преемственно существующая со времен ее рождения на земле в день сошествия Св. Духа на апостолов, что само по себе правильно, но и в том, что эту Церковь может вполне представить одна его церковь и что все другие христианские церкви и отдельные христиане, не говоря уже о язычниках и других нехристианах, безблагодатны, нисколько не знают ни Бога, ни Его таинств, ни Истины, ни Любви, ни Свободы, что в них все ложь, тьма и идолослужение. А между тем ведь хорошо известно, что хотя в истории Церкви с древнейших времен и высказывались подобные суждения, иногда даже лично святыми людьми, однако Церковь православная смотрела на них как на крайность, не соответствующую полноте церковной Истины. Потому, в частности, она признавала и признает действительность и действенность многих таинств, совершенных в других христианских конфессиях, как и подлинность многих истин, открытых людям вне конфессионально-православных и даже внешне христианских границ (подлинные границы Церкви всегда невидимы и мистичны, не случайно же сама Церковь в христианстве предмет веры, а не видения).

Что же можем сказать на все это теперь мы, православные люди, и вправду часто невежественные в своей вере и не очень-то ревнующие о чистоте и святости своей христианской жизни? Думается, что в известной степени парадоксально правы и те, и другие оценки книги о. Серафима. Можно было бы даже еще добавить кое-что как на одну, так и на другую «чашу весов».

К положительным характеристикам книги можно было бы отнести любовь о. Серафима к священному преданию нашей Церкви, прежде всего святоотеческому, как аскетическому, так и догматическому, и к самой Православной Церкви, тому, что выделяет ее по духу из всех остальных конфессий и деноминаций. Сюда же относятся призыв о. Серафима к личной ответственности в суждениях и всякого рода контактах, столь нередко в наше время искусительно-каверзных. Также хорошо то, что о. Серафим часто старается исходить не из «рекламных» выдержек из Св. писания или писаний св. отцов, а из их контекста и более глубинного духовного смысла. Более того, прекрасны слова автора, признающего то, что «да, действительно, велика нужда в истинном православном пробуждении». Нельзя не признать в принципе верным и его чувство, которое констатирует почти как факт, что «за пределами подлинного православия тьма все сгущается» (пусть вопрос о самих этих пределах и не так однозначен и прост, как кажется о. Серафиму, что нами уже упоминалось).

Но хочется добавить нечто и к критическим замечаниям. О. Серафим часто всех и вся «стрижет под одну гребенку», при этом делая вид, что его голос чуть ли не голос всего православия. Тут во многих своих выводах по очень сложным современным духовным проблемам он основывается лишь на писаниях «великих отцов» XIX века еп. Игнатия Брянчанинова, еп. Феофана Затворника или ставит в пример о. Иоанна Кронштадтского. И пусть лично о. Серафим или его церковная группировка вправе о них так думать, тем более что все эти люди несомненно достойные и, может быть, угодившие Богу святые нашей Церкви. Но дело-то в том, что и здесь надо быть осторожным. Как известно, Церковь умеет даже и в

писаниях своих общепризнанных подлинно великих святых и отцов видеть и делать качественное различие, не путая в них разные слои «догмата», принимаемого всеми православными, покуда они остаются таковыми, «теологумена», принимаемого уже не всеми из них, даже если он входит в повседневную жизнь и богослужебную традицию нашей Церкви, и «частного богословского мнения», свойственного вообще, может быть, только тем писаниям, где оно высказывается, придерживаться которого никто не понуждается, хотя особо и не порицается за это. Таким образом, всем надо знать и помнить, что область внешней свободы веры и мысли в Церкви очень велика и никак не выводится из одних «цитат», а область самой внутренней свободы в Церкви безгранична, поскольку последняя дар Божий ей и каждому ее истинному члену.

Однако современные духовные проблемы, в том числе затронутые о. Серафимом, воистину часто сложны и неоднозначны. Это одно из знамений нашего времени времени больших смещений. Здесь действительно нужны дар и способность «различать духи». Но оказывается, что не только духи можно и нужно различать Церкви и в Церкви, но еще и души, чего о. Серафим, преданный прошлому в церковном предании, не делает и что, как представляется, более всего отрицательно сказывается на качестве его оценок. Потому он часто бывает в большой степени прав в своей беспощадной критике, но редко бывает прав в положительных суждениях и выводах.

Да, можно согласиться с о. Серафимом в том, что многое из описанного им происходящего в современном мире исходит не от Духа Святого. Но все же оно и не всегда от духа злобы, особенно когда по природе своей оно не духовно, а душевно. Весь языческий и отчасти неправославный мир стоит именно на душевном, психическом и чувственном, а не духовном, основании, и именно поэтому он с трудом познает Бога и часто неспасителен сам по себе. Для о. Серафима же душевной жизни в мире, человеке и православной Церкви как бы не существует вовсе, а есть лишь дуализм падшего мира и Духа Святого. Но это неверно. «Демоны» в изначальном смысле это структурирующие силы космоса, природы, вселенной, которые тварны и воспринимаются духом, душой и телом человека в полном смысле слова и в том числе всеми уровнями и силами его психической жизни. И поскольку в этом мире есть смешение состояний падшести и первоначальной более или менее совершенной гармонии, данной ему Творцом, постольку и влияние «демонических» сил может быть двойственно. В этом смысле «демоны», эти языческие боги моря, земли и неба, это все ангельские души (как падшие, так и нет), но сами по себе они никогда не Бог или «иной дух».

Серафим Роуз прав, когда говорит, что современные «возложения рук», «языкоговорение», «пророчества» и «чудеса» лишь техника (точнее сказать психотехника), которой всегда придерживались оккультисты. Но он же здесь и неправ, ибо забыл, что, во-первых, не только оккультисты, но и свв. апостолы и подлинные пророки Божии, а во-вторых, дело не в самой этой форме (технике), а в том, каким духом она движется и исполняется. Отсюда-то и односторонность его оценок современных «харизматическо-пятидесятнических» и «экуменических» движений. Отец Серафим видит лишь отрицательную сторону, связанную с их характерным оттенком безразличия к Истине веры, в том числе и Церкви, и к покаянному переживанию своего греха и несовершенства, с духовной неподлинностью их «пророчеств» и практик и неразличением духов, но он не видит того, что эти движения не всегда, как мы говорили, от злого духа, а чаще просто от «духа человеческого» (значит, они не могут быть целиком и от Духа Божия, как бы того хотелось современным «харизматикам»).

«Языкоговорение» современных пятидесятников и т.п., как правило, неподлинно, а свв. апостолов_ всегда подлинно, хотя «феноменология» и «техника» у них по существу одна и та же, именно потому, что живут и движутся они обычно не вполне одним и тем же Духом. Но это уже дело «различения духов» в Церкви, но не дело оценок какой-либо душевной техники.

Привлечение о. Серафимом внимания православных к фактам отступничества от Христа, как внутреннего из-за лени, самомнения и невежества, так и внешнего, в том числе ради познания разных богов и религиозных опытов, прежде всего восточных, очень поучительно, но оценки, даваемые им, часто все же односторонни и неправильны. Ведь и настоящий православный, если только он крепко укоренен в своей традиции и в жизни в Духе Святом, может быть среди современных «харизматиков» и «экуменистов» или знатоков иных «конфессий» и «религиозных систем» со связанным с ними духовно-душевым опытом. Это, конечно, не может для него означать их механического и полного принятия без различения в них истинного от ложного и особого воцерковления даже найденных элементов Истины или правды. А пока, поскольку он подлинно православный, ему бояться нечего, ибо «если и что смертное испьет, не повредит ему», а может даже помочь как актуализировать в себе и Церкви саму Истину Православия в ее полноте, так и служить в любви и той же истине «всем и вся», показывая подлинную соборность и вселенскость, универсальность православного христианства, увы, исторически еще не выявленную. О ней-то, этой вселенскости и соборности, к слову говоря, и болела душа того же Н.А.Бердяева, книги которого, судя по вырванным из контекста и непонятым цитатам, о. Серафим вероятнее всего всерьез не читал. Он судит о нем по «мнениям» людей, его не понимавших, что равно относится как к безмерно восхвалявшим Бердяева, так и резко критиковавшим его.

Самая хорошая глава книги о. Серафима об НЛО. Воистину «по вере вашей будет вам»: парапсихологическое и потому «земное», «панпсихическое», так сказать, человеко-космическое происхождение НЛО несомненно, и современная опасность духовного соблазна от них очень велика.

Книга о. Серафима Роуза не только здесь, но и во всей своей положительной части часто носит характер предупреждения об опасностях. Так, опасность всякого увлечения другими религиями и духовными опытами, прежде всего восточно-индийскими, для неутвержденного в Православии тоже уже налицо. Кроме того, опасность духовных подделок, иногда очень тонких, как бы красиво их ни называли, в том числе всякого рода «харизматических» и «экуменических», также не может оспариваться никем, кто хотя бы раз столкнулся с ними и задумался о том, что может стоять за любым увлечением духовной жизни и как отличить подлинник от его темного «двойника».

Но и это еще не все опасности, пытающиеся в наше время захватить христианский мир. Неизбежна его встреча с опасностью современной рационалистической и критической демифологизации (Бультман, Г.Кюнг и многие другие), особенно в отношении Св. писания, догматов и преданий Церкви, в том числе житий, которая также уже паразитирует на теле Церкви как двойник вполне приемлемого явления перепроверки разумом и переложения на современный язык их материала. Есть новые опасности со стороны модернизма и консерватизма и много-много других.

Что же здесь делать, коли, как сказал один современный проповедник (о. В.Шпиллер), «в духовной жизни шаблонов нет», а двойники и паразиты могут быть у всего и всех, даже у Церкви и Бога? Все эти искушения и соблазны надо пройти, но пройти с «прибылью», а не разрушением, пройти духовно-творчески, а не со смертельным страхом в глазах и сектантским отчуждением, что нередко чувствуется в книге о. Серафима, которая от того сама может показаться одним из таких обращенных и обращающих назад «конфессионалистских» искушений, которые нам также надо не спеша и «различая духов» творчески преодолеть, воспринять все лучшее и, не осуждая никого, отвергнуть все худшее, одностороннее, недостаточное. Но в духовной жизни как нельзя слишком спешить, так же нельзя и слишком медлить, ибо «Господь грядет скоро», в чем вместе с автором Апокалипсиса абсолютно прав

страстный, но подчас неумеренный ревнитель православия наших дней иером. Серафим Роуз.

Напоследок же хочется вспомнить заключительные слова его во многом поучительной книги, являющиеся как бы основным выводом и завещанием ее автора: «Так давайте же жить так, как жили истинные христиане во все времена, в ожидании конца всех вещей и Пришествия нашего любимого Спасителя... Ей, гряди, Господи Иисусе!»

Москва, 1984

Владимир Васылык: Рождественские СТИХИ

Поэзия

Не грозит мечем

Огнекрылый страж,

К древу доступ дал

Желанному.

В РОЖДЕСТВЕ ТВОЕМ,

ХРИСТЕ, БОЖЕ НАШ,

МИРУ ВОССИЯЛ

СВЕТ РАЗУМА.

Вот возшла звезда

От Иакова,

Из восточных стран

Идут волхвы.

КТО ЗВЕЗДАМ СЛУЖИЛ,

ТЕ ЗВЕЗДОЙ САМОЙ

ТЕБЕ КЛАНЯТЬСЯ

НАУЧЕНЫ!

ТЕБЕ КЛАНЯТЬСЯ

СОЛНЦУ ИСТИНЫ!

И ТЕБЯ С ВЫСОТ

ВОСТОКА ЗРЕТЬ!

ТЕБЕ, ГОСПОДИ,

СЛАВА ТЕБЕ!

ПАСХАЛЬНЫЕ СТИХИ

Ныне воскресло

Божие слово

Ныне явилась

Пасха Христова.

И отступают

Смертные воды

В новом, преславном

Чуде исхода.

Мир осияли

Света потоки,

В смерти открылись

Жизни истоки!

Множество ангелов

Гроб окружили,

Тайно оставленный

Господа силой!

Где твое жало

Смерть? где победа

Ада? пророк нам

Тайну поведал.

Смерть умертвилась,

Тленье истлело,

В вечность оделось

Господа тело.

Ныне ликуйте,

Грады и веси,

Ныне воскликнем

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Тело Христово, доныне ломимое,

Церковь Христову, доныне гонимую

СЛАВИМ!

Славим, вас, сонм преподобных и праведных,

Евангелистов, апостолов пламенных!

СЛАВИМ!

Славьтесь, свидетелей хоры бессчетные,

Агнца печатию запечатленные!

СЛАВЬТЕСЬ!

Славьтесь, стяжавшие жизнь бесконечную,

Воду источника пьющие вечного!

СЛАВЬТЕСЬ!